

К. В. ЧИСТОВ

ЛЕГЕНДА О БЕЛОВОДЬЕ

Легенда о Беловодье принадлежит к числу полузабытых явлений русского фольклора XIX века. Упоминание о ней можно встретить лишь на страницах малопопулярных краеведческих изданий прошлого и в некоторых работах по истории старообрядчества и сектантства. В книгах и статьях по фольклору она не упоминается. Единственная работа, опубликованная в советское время и уделяющая ей несколько строк — книга Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой, — вышла в свет более 30 лет назад.¹ С тех пор о легенде ничего не писали.

Между тем легенда о Беловодье представляется нам замечательной во многих отношениях. Она была едва ли не самой популярной в XIX веке русской народной легендой социально-утопического характера; с ней связана целая полоса в развитии крестьянского общественного движения и крестьянской общественной мысли прошлого; наконец, она оставила известный след и в истории русской литературы — о ней писали Короленко, Мельников-Печерский, Л. Толстой, Мамин-Сибиряк, Горький, один из замечательных наших «шестидесятников» — Щапов, видный сибирский беллетрист Новоселов и другие.

Как же случилось, что легенда о Беловодье выпала из научного обихода?

Старая фольклористика легендой о Беловодье не интересовалась. В советское время ее забыли, потому что она не встречается ни в классических сборниках, ни в современных собраниях. Кроме того, легенда о Беловодье по принятой у нас классификации не подходит как будто ни под одно из жанровых определений. Это не просто религиозная легенда, в которой действующими лицами являются святые или персонажи из Ветхого или Нового завета; это не предание в обычном смысле слова, так как речь идет не о событиях давнего прошлого; это и не сказание, так как речь идет не об исторических лицах и событиях². Более того, в ней вообще нет ни сюжета, ни действующих лиц.

И тем не менее, легенда такая существовала, она выражала определенные идеи, волновала умы, создала целое движение, и термин «легенда» наилучшим образом подходит к ней.

¹ Бухтарминские старообрядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Серия казахстанская. Л., Изд-во АН СССР, 1930.

² Последний по времени опыт классификации см.: гл. В. Я. Проппа «Легенда» в кн.: «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 378.

Отсутствие сюжета и даже устойчивого текста легенды не должно удивлять. Его нет и у многих так называемых топонимических и местных преданий, у преданий о кладях, у множества побывальщин и быличек, у преданий, образующих обширный и многообразный (и, кстати, тоже почти неизученный у нас) цикл севернорусских преданий о чуде и о «па-нах», у известных рассказов о крепостном времени, у многих современных устных рассказов — о Ленине, о Чапаеве, о героях гражданской и Великой Отечественной войны¹. Следует расстаться с традиционным представлением, согласно которому отсутствие устойчивого текста объясняется тем, что его еще нет, но он со временем обязательно появится, выработается, отшлифуется. И тем более не следует считать, что признак фольклорного произведения — именно эта определенность текста. Существует целая группа жанров, не обладающих устойчивым текстом.

Действительно, каков сюжет, например, легенды о граде Китеже, если иметь в виду не оперу Римского-Корсакова и не «Китежский летописец», а народную легенду, на основе которой они возникли? Или берендеевой легенды, если отвлечься от ее передачи Островским? Или современных рассказов о Ковпаке, Заслонове, Зое Космодемьянской, Мелентьевой и Лисициной? Разумеется, это не исключает того, что при импровизации используются привычные словосочетания или выработавшиеся эпизоды, заключающие как будто и некие сюжеты. Однако это не текст и не сюжет самой легенды.

Художественная ценность и значение большинства подобных преданий, легенд, сказаний, сказов и т. д. несомненна и, вместе с тем, цель и смысл их существования внеэстетичны. Если не бояться современной терминологии, то можно было бы сказать, что их основная функция более публицистическая, чем беллетристическая. Это народные прозаические импровизации, возникающие на почве каких-либо более или менее устойчивых представлений, идей, образов. В конечном счете, они относятся к сказке, историческому или бытовому преданию с устойчивым текстом примерно так же, как причет или импровизированный раек к лирической песне, былине или исторической песне. Мы привели эту аналогию не потому, что подобные рассказы с импровизированным текстом чем-то похожи на причет или раек, а только для того, чтобы пояснить нашу мысль: они должны включаться в круг явлений, которые изучает фольклористика с такими же основаниями, как и жанры, для которых характерна устойчивость и определенность текста (разумеется, при учете специфики их художественной природы).

Легенда о Беловодье была не просто явлением публицистическим, она бытовала тайно; действия, которые предпринимались в связи с ней, преследовались. Рассказывать легенду было небезопасно; вместе с тем, она была воплощением одной из заветных идей крестьянства; ею не делились с первым пришедшим в деревню барином, это была подпольная, антикрепостническая и антиправительственная публицистика. Именно поэтому изложение легенды известно нам, главным образом, из судебных документов и тайных листков, писанных крестьянской рукой. Специальные записи легенды, произведенные собирателями, бедны и довольно случайны. В этом, очевидно, вторая причина забвения легенды фольклористикой.

И, наконец, третья причина. Как и многие другие письменные и устные произведения, возникшие в период феодализма или его кризиса, легенда о Беловодье не лишена религиозных элементов, которые

¹ Неустойчивость текста не менее характерна и для более ранних фольклорных форм — родовых и мифологических преданий, быличек, рассказов об удачной охоте и т. д.

сплетаются в ней с элементами социальными и политическими в одно нерасторжимое единство.

Как бы отрицательно мы не относились к деятельности церкви или к религии вообще, мы не вправе просто игнорировать или обходить какие бы то ни было идеологические явления прошлого на том основании, что в них наличествуют (в большей или меньшей мере) религиозные элементы; иначе нам пришлось бы отказаться от изучения подавляющего большинства памятников и русской и зарубежной средневековой литературы, многих политических движений эпохи феодализма, например, богумилов в Болгарии, альбигойцев во Франции, так называемых «новгородских» и других ересей на Руси, гуситского движения в Чехии, немецких крестьянских войн периода реформации, наконец, масонства в России, даже некоторых произведений Ломоносова, Державина, Пушкина, Л. Толстого, Достоевского и т. д.

Между тем, в фольклористике в последние годы происходит нечто подобное. Вне поля зрения исследователей оказались не только отдельные произведения, но и целые жанры и виды фольклора, и это приводит к искажению общей картины исторического развития русского народного творчества, делает невозможным глубокое и всестороннее изучение тех противоречий и внутренней борьбы, которыми оно сопровождалось. Эти произведения попросту объявляются ненародными, так как религиозное мировоззрение не было, якобы, никогда и ни в какой мере свойственно самому народу, а приносилось каждый раз извне, не выросло на почве социального бытия феодального крестьянства, а было результатом воздействия на него помещиков и попов.

Безусловно, и легенды во всех их разновидностях (включая и религиозные легенды), и духовные стихи, и обрядовые песни, и побывальщины, и специфические старообрядческие или сектантские песни и предания должны исследоваться не ради исторического оправдания религиозных предрассудков и суеверий, а в силу того, что и в них, как в любых других жанрах русского фольклора, отражалась социальная и политическая жизнь народа, находили свое выражение его общественные и художественные идеалы. Блестящий образец анализа подобного рода исторических явлений содержится в классическом произведении Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии».

Религиозно-общественными движениями в прошлом интересовались не только чиновники синода и Министерства внутренних дел, но и Герцен, издававший в Лондоне сборники материалов по истории раскола и специальную газету для раскольников и сектантов, и Короленко, много о них писавший, и Глеб Успенский и многие другие. Наконец, надо думать в тот факт, что в повестку дня II съезда РСДРП был включен специальный вопрос «Постановка работы среди сектантов», доклад по которому по рекомендации В. И. Ленина был поручен В. Д. Бонч-Бруевичу. Доклад этот не состоялся в связи с затянувшимися дебатами по первому параграфу устава. Однако съезд принял резолюцию: «Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, II съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии. Съезд поручает ЦК заняться вопросом о предложении, заключающемся в докладе т. Бонч-Бруевича». ¹ Предложение В. Д. Бонч-Бруевича, которое здесь упоминается, состояло в издании специальной

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. Ч. I. 1898—1924. М., 1953, стр. 48. Ср. В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 431. Текст доклада позже был опубликован: „Рассвет“, 1904, № 6—7, стр. 161—174.

газеты для раскольников и сектантов и было в последующем осуществлено. Когда в середине 1904 года газета («Рассвет») переживала трудности и среди части членов Совета партии возникло мнение о ее закрытии, В. И. Ленин выступил в ее защиту. Он говорил: «Пока прошло всего лишь пять месяцев со времени начала издания. Возможно, что орган еще сможет стать на ноги, особенно, если к нему придут на помощь другие литераторы»¹. Известно также, что В. Д. Бонч-Бруевич по поручению В. И. Ленина в течение многих лет занимался изучением сектантского движения в России именно как религиозно-общественного движения. Сектантство рассматривалось при этом как одно из течений, в котором в своеобразной, очень противоречивой, подчас уродливой форме (обусловленной как специфической историей русского крестьянства периодом феодализма, так и наличием обильных его пережитков в пореформенное и предреволюционное время) выражался протест народных масс против существовавшего порядка. В статье «Проект программы нашей партии» (1899) среди других фактов, свидетельствующих о наличии в русском крестьянстве революционных элементов (аграрные бунты и убийства помещиков, растущее возмущение против земских начальников, «голодные» волнения и др.), В. И. Ленин называет и рост сектантства и рационализма. Он пишет: «Известен факт роста в крестьянской среде сектантства и рационализма,— а выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»². Именно такая точка зрения и является по настоящему марксистской, помогающей, решительно избегая исторической идеализации, увидеть за любой формой, в том числе и религиозной, ее классовое, политическое содержание. В этом смысле и следует говорить о выработке последовательно марксистского, а не отвлеченно просветительского взгляда на те явления фольклора, которые содержат в себе религиозные элементы. Кстати, анализ классовых корней и социального содержания религиозно-общественных движений прошлого может оказать большую услугу и современной антирелигиозной пропаганде, он вооружит пропагандистов знанием реальных фактов истории раскола и сектантства, столь необходимых для разоблачения их реакционной сущности, он покажет без упрощенчества и схематизации, что за ними стояло в прошлом и насколько они беспочвенны в современности.

Первые известия о беловодской легенде ведут нас к началу XIX века. По свидетельству официального историка Министерства внутренних дел Н. Варадинова «в 1807 г. приехал из Томской губернии поселянин Бобылев и донес Министерству, что он проведал о живущих на море в Беловодье старообрядцах, российских подданных, которые бежали туда по причине раздоров, происходивших за веру при царе Алексее Михайловиче, во время Соловецкого возмущения. Там они имели будто бы своих епископов, священников и церкви, в коих отправляли богослужение по старым книгам, младенцев крестили и браки совершали по солнцу»³,

¹ В. И. Ленин. Речь о газете „Рассвет“ 5 (18) июня 1904. Совет РСДРП. Соч., т. 7, стр. 410.

² В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 223. См. также высказывания Ленина о сектантстве: т. 2, стр. 309—310; т. 4, стр. 193—194; т. 5, стр. 258, 267—269, 314, 372—373; т. 6, стр. 431; т. 34, стр. 2 и др.

³ т. е. посолонь, обходя во время обряда церковный аналой по движению солнца, а не наоборот, как это было принято официальной церковью с середины XVII века.

молились двуперстным крестом, книг патриарха¹ не принимали, за государя и войско (не? — К.Ч.) молились. По случаю дошедшего до них слуха, что государь позволил старообрядцам строить церкви по старому закону, они изъявляли желание служить его величеству верно, нести все тягости и испрашивали в поступке своем прощения. Жили они по дороге от Бухтарминской волости через китайскую границу в трех местах: в первом число их простиралось до 1000 с лишком, во втором до 700, а в Беловодье до 500 000 или более; дани никому не платили. Бобылев изъявил готовность сходить в Беловодье и исполнить то, что будет приказано. Министерство выдало ему 150 р. и велело явиться к сибирскому генерал-губернатору, которому писано об этом, но Бобылев не явился и исчез совершенно неизвестно куда и нигде потом не отыскан»².

Как покажет дальнейший анализ, Варадинов довольно точно передает некоторые черты беловодской легенды и рукописных памятников, с ней связанных, которые, очевидно, хорошо были известны некоему «поселянину» Бобылеву из Томской губ., решившему воспользоваться ими в корыстных целях.

Интересно еще и то, что Министерство поверило Бобылеву — об этом говорит и значительность выданной ему суммы и письмо, посланное губернатору. Очевидно, слухи о Беловодье и раньше доходили до Петербурга и официальные круги относились к ним совершенно серьезно.

Бобылев, как пишет Н. Варадинов, сам в Беловодье не бывал, а только «проведал» о нем; между тем он сообщает сведения о количестве жителей этой загадочной страны и настроениях ее обитателей. Все это свидетельствует не только о том, что на картах Азии в ту пору было еще достаточно белых пятен, позволявших допустить существование целой страны с полумиллионным населением из российских беглецов, но и об определенном историческом опыте правительства. Вековое бегство недовольных мужиков на окраины русского государства (Дон, Урал, Сибирь, севернорусские области, Прибалтика) и за его границы (Турция, Китай, Польша, Швеция, Сибирь, Алтай, Дальний Восток, Внутренняя Монголия и т. д.) было одновременно одной из постоянных форм мужицкой колонизации неосвоенных пространств Севера и Востока, создавало противоречивое отношение правительства к подобным «беглецам». Это были мужики, нарушившие закон, лежащий в основе феодальной государственности, бежавшие от крепостных, рекрутских и иных тягот и повинностей, от повиновения официальной церкви; с другой стороны, эти «преступники» время от времени не только возвращались в пределы российского государства, но и присоединяли к нему целые области и обеспечивали охрану их границ, освобождая правительство от военных затрат и дипломатических усилий. Бобылев не случайно назвал Бухтарминскую волость, т. е. долину верховьев Бухтармы, горноалтайского притока Иртыша. Эта плодородная область была присоединена именно таким образом всего за 15 лет до появления Бобылева в Петербурге.

О настроениях жителей Беловодья и их государственном положении сообщается по традиционной схеме. Они «дани никому не платили», следовательно их присоединение не грозит какими-либо дипломатическими осложнениями. Обрядовое несогласие с официальной церковью могло бы быть ликвидировано и забыто, если правительство разрешит «строить

¹ т. е. патриарха Никона; имеются в виду церковные книги, исправленные в годы патриаршества Никона и не принимаемые старообрядцами.

² Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел. Восьмая дополнительная книга. История распоряжений по расколу. СПб., 1863, стр. 62—63 (в дальнейшем: Варадинов).

церкви по старому закону». Все это, конечно, придумано Бобылевым, хорошо знавшим, какие условия присоединения были бы особенно приятны правительству. В действительности все было сложнее. Правительству приходилось иной раз идти на компромиссы далеко не только обрядово-религиозного характера, хотя религиозные вопросы действительно могли играть определенную роль при подобных инцидентах.

Промелькнув в 1807 году в официальной переписке, легенда о Беловодье не сходит затем со страниц официальных и неофициальных документов и изданий вплоть до начала XX века. Что же это за легенда? Сведений о ней сравнительно много, однако, как уже говорилось, мы не располагаем ни одной достаточно развернутой записью, сделанной фольклористами. Мы уже пытались установить причины столь парадоксального положения. Присоединим к ним еще одну, которая требует специального разъяснения.

Распространение легенды в какой-то мере было связано со специфической конспиративной деятельностью чрезвычайно своеобразной крестьянской анархистской религиозно-общественной организации — секты «бегунов», или «странников». Так как история этой секты у нас тоже почти забыта, мы позволим себе остановиться на ней несколько подробнее.

* * *

Секта «бегунов»¹ — крайнее левое мужицкое ответвление («толк», «соглас») старообрядчества — возникла, судя по многим данным, во второй половине XVIII века. Ранняя история секты (до 50-х годов XIX века) восстанавливается со значительным трудом, так как до правительственного следствия по «сопелковскому делу», т. е., по крайней

¹ Важнейшие работы о „бегунах“: Сборник правительственных постановлений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. II. Лондон, 1861 (в дальнейшем: Кельсиев); А. П. Шапов. Земство и раскол. Бегуны. „Время“, 1862, X, стр. 319—363 (в дальнейшем: Шапов); Н. Варадинов. История Министерства внутренних дел. Восьмая дополнительная книга. История распоряжений по расколу. СПб., 1863; Л. Н. Трефолев. Странники. Эпизод из истории раскола. „Труды Ярославской губ. статистической комиссии“, вып. I, 1866, стр. 157—263 (в дальнейшем: Трефолев); А. И. Розов. Странники или бегуны в русском расколе. „Вестник Европы“, 1872, № 11-12; 1873, № 1 (в дальнейшем: Розов); И. Юзов. Русские диссиденты. СПб., 1881; его же. Политические воззрения староверья. „Русская мысль“, 1882, № 5 (в дальнейшем: Юзов); А. И. Пругавин. Вредные секты. „Русская старина“, 1884, № 3 и 4 (в дальнейшем: Пругавин); Д. Островский. Каргопольские бегуны. (Краткий исторический очерк). „Олонецкие епархиальные ведомости“, 1900, 10—12; Д. Н. Беликов. Томский раскол. Томск, 1901 (в дальнейшем: Беликов); Н. И. Ивановский. Внутреннее устройство секты странников или бегунов. СПб., 1901 (в дальнейшем: Ивановский); А. И. Пругавин. Старообрядчество во второй половине XIX века. М., 1904; его же. Религиозные отщепенцы. Вып. II. СПб., 1904; В. В. Купленский. Бегуны. „Миссионерский сборник“, Рязань, 1905, I, III; М. П. Чельцов. Современная жизнь в расколе и сектантстве. СПб., 1904, 1905 (далее: Чельцов); И. К. Пятницкий. Секта странников и ее значение в расколе. Сергиев Посад, 1906 (в дальнейшем: Пятницкий); В. Д. Бонч-Бруевич. Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. I. СПб., 1908; А. К. Бороздин. Русское религиозное разномыслие. СПб., 1907; П. И. Мельников. Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии. В кн.: „Сборник Нижегородской ученой архивной комиссии в память П. И. Мельникова“. Н.-Новгород, 1910, стр. 3—328 (в дальнейшем: Мельников); М. П.-ский. К истории страннической секты в Шуньгском приходе Повенецкого у. „Олонецкие епархиальные ведомости“, 1911, № 8; С. Мельгунов. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX века. М., 1918; А. И. Пругавин. Неприемлющие мира. Анархическое течение в русском сектантстве. М., 1918.

Библиография до конца 80-х годов XIX века с некоторыми пропусками: А. И. Пругавин. Раскол и сектантство. Вып. I. Бегуны. М., 1887, стр. 392—407.

мере, 70—80 лет правительство ничего не знало о существовании этой тайной мужицкой организации, несмотря на то, что отдельные «бегуны» время от времени попадали в руки властей, арестовывались, допрашивались, ссылались и т. д.¹

Впрочем, предыстория «бегунства» не столь уже важна. Существеннее то, что его возникновение связано с «пугачевским» периодом развития антифеодальных народных движений, свидетелемствовавших о глупом кризисе феодальной системы в России.

Мы далеки от того, чтобы подобно А. Щапову считать «бегунство» близким или равным «пугачевскому» движению², но несомненно, что оно возникло на одной социальной почве с ним и развивалось параллельно ему. Как отмечал Г. В. Плеханов, развитие и распространение подобных религиозно-общественных движений обычно связано с поражением народа в открытых политических выступлениях, является выражением социального протеста, загнанного внутрь и получившего во многом противоречивую наивную и уродливую форму.

В учении «бегунов» выразилась крайняя ненависть к феодальному государству, церкви и общественному устройству, отчаянная решимость действовать без понимания сути и возможностей политической борьбы и, тем более, законов истории.

Основателем секты «бегуны» считали Евфимия, действительное имя и фамилия которого до нас не дошли. По некоторым сведениям, он был крепостным переяславского помещика Мотовилова. В 1764 году помещик отдал его в солдаты, но Евфимий из армии бежал и с тех пор, до своей смерти в 1793 году, вел нелегальное существование. Эта черта его биографии чрезвычайно характерна. Все известные нам официальные документы, связанные с судебными делами «бегунов», и отчеты специальных правительственных комиссий, «изучавших» секту, подчеркивают, что значительная часть ее последователей состояла из беглых солдат, беглых крепостных, беглых государственных и прочих крестьян.

С 1772 года, т. е. за год до начала восстания под руководством Е. И. Пугачева, Евфимий «перекрестился» в «бегуны», положив тем самым начало новой секте, и пустился в странство по Ярославским, Костромским и Вологодским лесам и «весям». В эти годы Евфимий пишет свои основные сочинения, заложившие при всей их примитивности теоретические основы «бегунства»: «Цветник», «Разглагольствие», «Толкование на слова Ипполита», «Послание в Москву» и др. Некоторые из идей, высказывавшихся им изустно, были переданы его последователями в рукописях «Житие Евфимия» и «О начатке старца Евфимия».

Не менее типична судьба другого крупнейшего деятеля «бегунства» — Никиты Семеновича Киселева (Меркурия), беглого крепостного графа Дмитриева-Мамонова. Он бродит по Вологодской губ. (Пошехонье), Костромской (Плес), Ярославской (Сопелки), Карелии (Топозеро) и т. д. В 1854 году его арестовывают в Вологде и ссылают в Соловки. По дороге он бежит, но его ловят и все-таки доставляют

¹ Варадинов, стр. 73 — о какой-то секте, отказавшейся платить подати (в разделе „С 1810 по 1819 гг.“); стр. 100 — о задержанном крестьянине, утверждавшем, что „на деньгах ангихристов печать“ (1820—1823 гг.); стр. 199—200 и 201—203 о „христовых странниках“ в Ярославской губ., которая была, как позже выяснилось, одним из основных районов распространения „бегунства“ (1825—1830 гг.); стр. 299 — тоже о „христовых странниках“, о которых сообщается, что „все они отвергали власти“ (1831—1837 гг.); стр. 322 — об „отобрании“ какого-то рукописного послания, в котором упоминается некий Евфимий; кто он? — „следствие не разъяснило“ (1838—1841 гг.) и т. д.

² Щапов, стр. 319—363; его же. Умственные направления русского раскола. „Дело“, 1867, № 10, стр. 319—348.

в Соловецкий монастырь. Здесь Н. Киселев объявляет о своем желании быть монахом, через два дня после пострижения снова бежит (1858 год) и в последующие годы вплоть до смерти (1903 год), несмотря на самые энергичные меры правительства, остается неуловимым. Перу Н. С. Киселева принадлежит несколько известных «бегунских» сочинений — «Малый образ ересей», «Статьи» и др. Отметим попутно, что в 1874 году Н. С. Киселев снова побывал в Олонецкой губ. Очевидно, он появлялся здесь неоднократно, по крайней мере, в Каргопольском и Вытегорском уездах и в примыкающих к ним районах Вологодской и Архангельской губ. В 50-е годы и последующие десятилетия Каргопольский уезд Олонецкой губ. становится вместе с Топозером, Плесом, Сопелками и некоторыми районами Пермской и Томской губ. одним из районов наиболее активной деятельности «бегунов». Вместе с тем «бегунство» к середине XIX века распространяется в большинстве севернорусских, приуральских, средневолжских и сибирских губерний России.

В 60-е и 70-е годы в статьях церковников и чиновников, специалистов по расколу (Никольский, Мельников-Печерский, Вескинский и др.), неоднократно говорилось о самоизживании «бегунства», однако, в указе синода от 15 марта 1879 года (№ 984) секта была снова объявлена «вреднейшей» и «противогосударственной» и были настойчиво повторены распоряжения о всемерном её преследовании и искоренении.

Мы не будем подробно излагать историю секты, хотя она и представляет несомненный интерес. Примечательно, что «бегунство» переживает свои взлеты и затухания. Особенно активным оно было в начале 20-х годов XIX века, затем в 50—60-е годы и в конце 70 — начале 80- годов, причем в 60-е годы из секты выделяются так называемые «неплательщики», а в 70—80-е — «лучинковцы», в некоторых вопросах пошедшие еще дальше «бегунов»¹. В годы, предшествующие революции 1905—1907 годов, популярность секты падает, и она постепенно сходит с исторической арены.

Нельзя не заметить, что периоды особенно оживленной деятельности секты совпадают с годами общего подъема народных политических движений в стране.

В названных сочинениях Евфимия и Никиты Киселева изложены важнейшие идеи «бегунства». В его основе — общее старообрядческое представление о том, что с середины XVII века, т. е. со времени реформы Никона, начался «век антихристов». «Бегуны» доводили это учение до возможного предела, исключали всякие компромиссы и оговорки, которые допускали другие разветвления старообрядчества. Они объявляли воплощением антихриста не только царя и никонианскую церковь, но и все законы и установления правительства, налоги и поборы, рекрутчину, армию, деньги, семью, паспорта, ревизию (т. е. перепись податного населения)². Они утверждали, что есть только один выход — порвать все общественные связи и «бежать», т. е. прекратить все отношения с официальным миром, перейти к конспиративному существованию, скитаться по стране, сменяя пристанища и не даваясь в руки начальству. Таким образом, бегство от начальства, от помещика, из армии возводи-

¹ «Неплательщики» возводили в религиозную догму неприятие реформы 1861 года, (см. выше библиографию по «бегунству»); «лучинковцы» требовали отречься от всего, изготовленного слугами «антихриста», жгли лучины вместо свечей во время молений и т. д. Замечательно верный образ «бегуна-неплательщика» нарисован В. Г. Короленко в очерке «Яшка».

² Ср., например, толкование герба Российской Империи — двуглавого орла — в одной из «бегунских» рукописей: «Орел от тяжести людских беззаконий крылья свои опустил и держит он не скипетр и державу, крестами увенчанные, как прежде во времена благочестия, а змей антихристовых». — М е л ь н и к о в, стр. 215.

лось «бегунами» в степень религиозного догмата, получало высшую, по их представлениям, нравственную санкцию. Следует подчеркнуть, что «бегуны» не были обычными «странниками во Христе», паломниками к святым местам. Они не стремились ни к Иерусалиму, ни на Афон, ни в Киев, ни в Соловецкую, ни Троице-Сергиевскую лавру — для них все это совершенно такие же «рассадники антихристовы». Главным было стремление вырваться из-под действия ненавистных закономерностей феодального государства, поставить себя вне государства, «отпасть» от него, утвердить свою независимость, свою волю и свое достоинство.

Таким образом, «бегунство» может быть охарактеризовано как анархический утопизм с религиозной окраской; анархический, так как «бегуны» отрицали современное им государство, не предлагая ничего взамен его, и утопизм, так как подобно всяким утопистам, они хотели выключиться из социальных закономерностей, образовать некий нефеодальный островок в окружавшем их океане феодализма.

В отличие от других старообрядцев «бегуны» связывали окончательное наступление «царства антихристова» не столько со временем Никона, сколько с первыми двумя всеобщими ревизиями податных душ, состоявшимися в 1717 — 1728 и 1744 годах. По представлениям «бегунов» уже первая ревизия, осуществленная при Петре, была причиной разделения общества на классы и возникновения частной собственности — источника всех последующих несчастий.¹ Вторая ревизия завершила дело: «Егда бо оный император запрети сие (т. е. отлучки крепостных с места жительства.— К.Ч.), тогда он седмглавый (т. е. антихрист.— К.Ч.) исправися в человецех и воцарися на земли: понеже егда при описи разроби народ на разные чины и расположи дань подушную, потом же и землю размежева и купечествующих отдели, да не причаливается им седмгивенный, и сим разделением, яко язычников содея друг на друга раторборствовати, межи бо яко границы чуждым землям устави, еже комуждо глаголати свое; сей же глагол святой Златоуст проклятый и скверный нарицает; глагол «мое» от диавола, рече введеса; вся вам общая сотворил есть бог»². И далее, выступая от имени тех, кто обделен при этом размежевании земель и разделении имуществ, и вообще ненавидя слово «мое», как слово дьяволово, Евфимий заявляет со всею страстностью подлинного публициста: «Отнеле же, егда (т. е. с тех же пор, когда.— К.Ч.) тако удержены человецы при имениях своих, яко же мравия (т. е. муравьи.— К.Ч.), неусыпно тщание возымеша, как большая собрати и сего ради оттоле начаша бывати обманы, неправыя меры, неистовыя весы и во всякую вещь неудобныя примесы, родишася божбы и клятвы, жаждаательства имения, ненависть, зависть, вражда и драки и междоусобныя брани до свирепства, обиды до грабительства, все сие ради оно-го запрещения и разделения: кому оный император надели много, кому мало, иному же ничего не дав, токмо едино рукоделие имети повеле»³. Реализуя учение странников, отрицающее частную собственность, один

¹ См. в «Разглагольствовании Евфимия» (1784 год): «Прежде же первая ревизия, до первого императора не бе в Российстей державе людям описание ни подушного сбора, ниже народного удержания, но яко кто восхотев, туда отлучися». — Кельсиев, стр. 248.

² Кельсиев, стр. 261. Ср. по другому списку: «Сей же глагол св. Златоуст проклятым и скверным нарицает глаголя: мое — от дьявола введеса, все нам общее сотворил господь, а несть можно рещи: мой свет! мое солнце! моя вода!». — Трефолев, стр. 248. Ср. в речи Антона Петрова, возглавлявшего так называемое «безднинское возмущение» против реформы 1861 года: «Земля божья, а человека бог поставил на дело рукою своею владать землей, водой, зверями лесными и рыбами морскими. Господа против закона божьего хотели отбить землю у народа; земля божья и душа божья». — Н. Я. Аристов. А. П. Шапов. СПб., 1883, стр. 65.

³ Кельсиев, стр. 262.

из вождей «бегунства» Василий Петров, а вслед за ним Антип Яковлев предприняли попытку превратить секту в артель с обобществленным имуществом, которое мыслилось как «божье». При этом, как это свойственно было и другим анархическим течениям, обобществлялось все, вплоть до одежды и обуви.¹

Итак, ревизия породила все беды современности, которые свидетельствуют об окончательной победе «антихриста» — борьбу между сословиями и внутри них, стяжательство, взаимные обманы, ложь, ненависть и другие пороки. Нельзя не удивляться тому, насколько «бегуны» (при всей наивности исторических представлений, им свойственных) чутко уловили основную причину общественных бедствий — существование частной собственности и неравенства сословий. Замечательно и то, что причиной несчастий тех, кому «первый император» «ничего же дав, токмо едино рукоделие имети повеле», выставляется не борьба «Христа» с «антихристом», а вполне земная ревизия податных душ, правда, проведенная царем, — одним из воплощений все того же «антихриста».²

Статский советник Синицин, изучавший в 1851 году по поручению Министерства внутренних дел раскол в Ярославской губ., писал в секретной записке: «На границе Тверской губ. и Мышкинского у. с одним из членов экспедиции встретилось два крестьянина д. Подосиновки Михайло Устинов и сын его Григорий (оба «бегуны». — К. Ч.), мужнины огромного роста, и не снимая шапок при разговоре с ним нередко употребляли слово «братец». Когда полицейский служитель заметил: как они смеют так обращаться с чиновником министерства, — один из них грубо отвечал: «А што же такое? По вашему кто царь (т. е. царь. — К. Ч.), кто ене-рал, кто ваше высокоблагородие, а по нашему все равные братья». Другой после того спросил: неизвестно ли ему, как прибывшему из Петербурга, долго ль еще будут оставаться эти боги? — и указал на усадьбу помещика»³.

М. Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» очень точно определяет отношение бегунов к крепостному праву. «В то время, — пишет он, — ходили слухи о секте «бегунов», которая переходила из деревни в деревню, взыскав вышнего града и скрываясь от преследования властей в овинах и подпольях крестьянских домов. Помещики называли эту секту «пакостною», потому что одним из ее догматов было непризнание господской власти»⁴.

В послании Евфимия к московским старцам 1878 года, в котором он упрекал филипповцев и федосеевцев в преступном компромиссе с царем и государством, говорится: «И по реченному тогда беззаконный вознесет сердцем и соберет бесы в образы человеки и сотворит из них себе начальники, будет жесток, гневлив, нагл, лют, яр, нестроен, ненавистен, мерзок, мучитель лукав и т. д.»⁵.

¹ Розов, 1872, № 11, стр. 301; Юзов, 1881, стр. 116—117; Ивановский стр. 29—31 и др.

² Мельников, стр. 215. Ср. характерную формулу «бегунов»: антихрист «души людей подушным окладом себе подчиняет».

³ Кельсиев, стр. 9.

⁴ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Собр. соч., т. 12. М., 1951, стр. 301 (гл. «Сатир Скиталец»). Анна Павловна Затрапезная выражает опасение, что ее крепостной Сатирка принадлежит к этой «пакостной» секте: «Вон, сказывают, одному такому же втемяшилось в голову, что ежели раб своего господина убьет, так все грехи с него спихнутся... и убил!» (там же, стр. 303). Ср. «Легенду о двух великих грешниках» в «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова. О «бегунах» у Салтыкова-Щедрина см. также «Сказание инока Парфения» и «Сопелковцы» (Полн. собр. соч., т. X. М. 1937, стр. 39—72 и 254—255).

⁵ Кельсиев, стр. 253.

Судя по некоторым данным, среди «бегунов» имела распространение известная антикрепостническая сатира — «Газета с того света», в которой рассказывалось о том, каким мучениям будут подвергнуты все сильные мира сего на том свете. Один из лучших вариантов «Газеты с того света» опубликован в сборнике Кельсиева под заголовком «Страннические стихи, найденные у купеческого сына д. Лекина Артемия Осипова». ¹ К ней примыкают и, уже совершенно бесспорно, «бегунские» пародийные паспорта, которые хранились ими после уничтожения официальных паспортов. В одном из таких «паспортов» говорилось: «Отпустил мя раба божьего великий господин града Вышнего, Святого уезда, Пустынного стана, села Будова, деревни Неткина, чтоб не задержали бесы раба божьего нигде» ².

В «бегунской» песне, опубликованной Л. Н. Трефолевым, пелось:

Паспорт у нас из града вышнего Ерусалима,
Убежали мы на волю от худого господина.³

И. Юзов в статье «Политические воззрения староверья» приводит список еще одного любопытного сатирического листка, имевшего название «Известия новейших времен». Он пишет: «Эти «Известия» очень часто читаются ими (т. е. старообрядцами, особенно «бегунами») и обыкновенно висят на почетном месте около образов, вклеенные в рамку и под стеклом. Пишутся они печатными славянскими буквами: первая половина каждой фразы красными, а вторая — черными чернилами:

Грех — умер.
Правда — пропала.
Истина — охрипла.
Совість — хромает.
Кредит — обанкрутился.
Вера — в Иерусалиме осталась.
Надежда — на дне моря с якорем.
Любовь — больна простудой.
Невинность — под спудом.
Добродетель — таскается по миру.
Благодеяние — под арестом.
Помощь — оглохла.
Совет — с ума сошел.
Честность — умирает с голоду.
Кротость — в горячке.
Искренность — убита.
Правосудие — в бегах.
Справедливость — из света выехала.
Благодать — на небо взята.
Труд — питается милостынею.
Ум-разум — на каторжной работе.
Закон — лишен прав состояния.
Терпение — осталось одно, и то скоро лопнет.
Аминь.⁴

Здесь в такой же мере, как в представлении об «антихристе», проявляется всеобъемлющая широта и энергия отрицания, которая была свойственна «бегунам». Как писал Ф. Энгельс, «фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся

¹ Кельсиев, стр. 292—293.

² Трефолев, стр. 210. См. также: Паспорт старообрядцев-бегунов. „Восточное обозрение“, 1885, № 49—50; И. Сырцов. Паспорта старообрядцев-бегунов. „Тобольские епархиальные ведомости“, 1885, № 21—22, стр. 504—505 и др.

³ Трефолев, стр. 179.

⁴ Юзов, 1882, стр. 197. Здесь несомненно переклички с „Газетой с того света“.

представителями исторических сил»¹. В нашем случае фантастический образ «антихриста» становился синонимом обобщенной силы феодализма.

Очень важно, что одним из основных догматов «бегунства» было не просто бегство от современного общества и его членов, а «брань с антихристом», т. е. борьба с этим обществом. Первое требование «брани» — не повиноваться никаким властям и ни при каких обстоятельствах. В послании Евфимия говорится: «Спасется лишь непокоривыйся мучителю: до самого дне судного непокоривым быти антихристу повелено»². Никита Киселев в важнейшем своем сочинении «Малый образ ересей» писал: «Печать его (т. е. антихриста.— К.Ч.) не щепоть и не крест, не трехперстное знамение: крест десною рукою исправляеся, сиречь деяниями десными. Антихрист же десныя дела отсечет»³. Иначе говоря, по мнению Н. Киселева дело обстоит столь серьезно, что чисто обрядовые расхождения с господствующей церковью (шести или восьмиконечный крест, двуперстное или трехперстное знамение и т. д.), которые столь упорно отстаивались старообрядцами, кажутся ему уже не существенными. Самое большое преступление, — утверждает он, — «житие, согласное с мыслью антихриста».⁴

Все это, вместе с тем, не значит, что «бегуны» намеревались вступить в вооруженную борьбу с правительством, как это полагал А. Щапов⁵. «Брань» понималась ими, прежде всего, как непокорение и обличение, ибо вера «с замкнутыми устами», как писал «бегун» Василий Московин, «мертва». «Бегуны» с фанатическим упорством вели противоправительственную, противоцерковную, противокрепостническую, противорекрутскую и т. д. пропаганду. Они были предельно далеки от какого бы то ни было смирения и пассивного страдания. Активность обличительной пропаганды, активная агитация за вовлечение новых членов в секту, а не просто спасение собственных душ составляли одну из основных особенностей «бегунства».

Несмотря на весь свой фанатизм, «бегуны», с одной стороны, под влиянием определенных общественных условий (полный разрыв всех связей вел к вырождению секты) и, с другой стороны, в стремлении к активной пропаганде и вовлечению новых и новых последователей⁶, вынуждены были идти на существенные компромиссы. Во-первых, «страш-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. М., 1951, стр. 299.

² Юзов, 1882, стр. 255.

³ «Истина», 1871, кн. XIX, стр. 60.

⁴ «Русский архив», 1866, № 4, стр. 631. См.: Трефолев, стр. 207, где приведены слова Киселева: «ложно мудрствуют будто, покоряясь врагу, можно иметь веру в сердце».

⁵ По некоторым свидетельствам они допускали контакты с «разбойниками» определенного рода — вооруженными группами крепостных, солдат и прочих беглых людей, с кистенем в лесах оттаивавших свою волю и человеческое достоинство. Известно, что правительство узнало о существовании «бегунства» в связи со следствием по делу «атамана Пашки», пойманного с товарищами в ярославских лесах (см. у Трефолева, Аксакова и др.). Следствие велось несколько лет, были арестованы сотни «подозрительных» и все же секта после этого не только не прекратила своего существования, но продолжала шириться с каждым годом. При этом следствие велось достаточно круто. Даже официальные документы признавали, что больше 30 арестованных умерло, не дождавись конца следствия. И Аксаков, и Стенбок, возглавлявший особую правительственную комиссию, и ярославский чиновник Трефолев пишут о многочисленных попытках отбить арестованных с оружием в руках. Синицин, изучавший «бегунство» в Костромской губ., в упоминавшейся записке писал о «бегунах»: «Молодые мужчины нередко ходят с оружием» и рассказал здесь же о нескольких случаях вооруженного сопротивления при аресте. — Кельсиев, стр. 8; о других случаях вооруженного сопротивления — Трефолев, стр. 223—224.

⁶ Есть сведения даже о том, что «бегуны» специально покупали незаконнорожденных для того, чтобы воспитать их в ненависти к «антихристу». — Пругавин, стр. 641—642.

ливым» разрешалось не «вступать в брань», а просто «бегать»¹, во-вторых, уже при преемниках Евфимия Ирине Федоровой и Петре Крайневе, все лица, принадлежавшие к секте, стали делиться на три разряда — кроме самих «бегунов», полноправных членов секты, существовали так называемые «оглашенные», проходившие испытательный срок до «крещения», и странноприимцы — «жилые христиане», обязанностью которых было, не объявляя своей принадлежности к секте, содержать пристанища для «бегунов», кормить и одевать их, распоряжаться общим имуществом и средствами. Им разрешалось «телесно», но не «духовно» подчиняться властям в интересах конспирации. В домах жилых устраивались тайники, подполья, секретные выходы, сообщения между домами, которыми в случае надобности могли воспользоваться «бегуны». Этот компромисс, вместе с тем, означал и определенное поражение утопического стремления порвать все связи, поставить себя вне общества и государства. Конспиративное существование самих «бегунов» вне закона, власти и церкви требовало поддержки со стороны «жилых», сохранявших обязательство под конец жизни пуститься в «бега», умереть вне собственного дома. Вместе с тем «жилым», которые, вероятно, могли вербоваться и из более зажиточной части деревни, не разрешалось ни «учительствовать», т. е. руководить сектой и ее ответвлениями («странами»), ни даже присутствовать на «сборах» с правом голоса. Это предохраняло от захвата власти в секте «жилими».

Несмотря на некоторые компромиссы, «бегуны» оставались фанатиками, мало склонными к смирению и пассивному страданию. В основе их движения лежала жажда деятельности, практического осуществления идеалов. Недаром известный чиновник Липранди, составивший для правительства, встревоженного «сопелковским делом» в Ярославской губ., обобщающую записку «Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект как в религиозном, так и в политическом их значении», разделил все ветви раскола и секты на две группы — «ожидających заслужить себе блаженство в будущей жизни» и «ожидających своему лжеучению торжества и в настоящей жизни» и решительно отнес «бегунов» к числу последних. «Первая из этих общин есть чисто религиозная, вторая политическая», — писал он².

Бессмысленно было бы через сто с лишним лет полемизировать с Липранди. Мы отметим лишь, что спор о «бегунах» и о расколе вообще, продолжавшийся в русской печати с 60-х годов прошлого века до начала XX века, обнаруживал подчас в большей мере тенденции спорящих, чем действительное существо дела. Левое крыло споривших (Щапов, Андреев, Аристов и др.) утверждало политический характер раскола, правое (Никольский, Шедо-Феротти) — религиозный. Первые из них, желавшие видеть лишь политическую сторону дела, подчас смыкались с чиновниками и литераторами, стремившимися побудить правительство к решительным мерам против раскола. Как те, так и другие обычно переносили какие-то качества крайних (то крайне левых, то крайне правых) ответвлений старообрядчества на весь раскол. Между тем заволжских старообрядческих купцов («поповцев» и «австрийцев») и мужиков («бегунов», «неплательщиков», «лучинковцев» и др.) разделяло столь многое, что недифференцированное рассмотрение раскола совершенно бессмысленно. Что же касается «бегунов», то для правильного истолкования смысла их учения

¹ См. в „Послании к московским старцам“ Евфимия: „Святой же Кирилл Иерусалимский не могущим против врага стати, бегство проповедует имети, глаголя: страшливым да бегут; того ради достоит таится и бегати или на брань ступити, по тому же Кириллу“. — Кельсиев, сгр. 255.

² Кельсиев, стр. 100.

и практической деятельности важно не противопоставлять социальные и политические моменты моментам религиозным, а понять их своеобразное единство.

Нельзя не обратить внимание на то, что во всех работах о «бегунах» ничего не рассказывается об их отношении к обрядам и, тем более, нет ни слова о какой-либо специфической обрядности, созданной ими, кроме разве «крещения», которое состояло в торжественном уничтожении паспорта и других официальных документов и проклятиях государству, царю, церкви, чиновникам, армии. «Бегуны», при всем их религиозном фанатизме, очень мало размышляли на чисто религиозные темы, они просто придерживались традиционных догм и форм, созданных до них филипповцами и федосеевцами. Секта их возникла не ради утверждения какого-либо нового религиозного принципа или обряда. Их объединяло и, вместе с тем, отличало от других ответвлений старообрядчества определенное, крайне враждебное, бескомпромиссное отношение к тогдашней действительности, которую они, свойственным им языком, называли воплощением «антихриста». Политическая современность понималась и истолковывалась ими в религиозных категориях. Это хорошо понял И. С. Аксаков, участвовавший в деятельности комиссии Стенбока по расследованию «сопелковского дела». В статье «Замечания на статью Л. Трефолева «Странники», он писал: «Независимо от идей первоначального своего происхождения, секта странников обратилась в религиозное оправдание бродяжничества и бегства вообще. Бежал ли солдат из полку, крепостной мужик от барщины, молодая баба от мужа — все православные — они находили оправдание своему поступку в учении странническом, которое возводило бродяжничество в догмат, звание беглого в сан¹.

Еще меньше можно было бы подозревать «бегунов» в сознательной маскировке политических убеждений и политической деятельности. Они были крестьянами своего времени, религиозными и, вместе с тем, видевшими в расколе протест против официальной церкви. Невероятным гнетом крепостничества, рекрутчины, полицейщины во всех ее проявлениях они были доведены до отчаяния. Однако они не видели реальных путей политической борьбы, были опутаны предрассудками и одержимы религиозным фанатизмом. Они мечтали не о переделке общества, а о выпадении из него и в их учении следует видеть не только антифеодальный протест, но и историческую ограниченность, консерватизм и антиобщественный, анархический характер этого протеста.

Именно поэтому исторически вполне закономерен распад «бегунства» как самостоятельного движения по мере приближения эпохи русских революций 1905—1907 и 1917 годов, когда крестьянство вслед за рабочим классом поднялось на штурм и капитализма, и уживавшихся с ним феодальных пережитков.

Сочетание религиозного и политического в учении «бегунов» говорит не столько об их особой склонности к мистицизму, сколько о неспособности вырваться из рамок типичного средневекового мировоззрения. Напомним, что и многие известные нам большие политические движения русского крестьянства XVII—XIX веков — «разинщина», «пугачевщина», казачьи восстания под руководством Булавина, Некрасова, так называемый «стрелецкий бунт» и т. д. имели также совершенно определенную религиозную окраску и тоже были (каждое из них в разной степени) связаны со старообрядчеством. В годы открытых вооруженных восстаний эти моменты отступали на задний план, в условиях же существования

¹ „Русский архив“, 1866, № 4, стр. 625.

постоянной конспиративной мужицкой организации, подобной «бегунской», они, естественно, играли более существенную роль, должны были оправдывать политические воззрения «бегунов», сплачивать их, придавать им силы, поддерживать их убеждения, что было крайне необходимо при полной политической невежественности, бесперспективности и наивной утопичности их движения.

С исторической точки зрения самым существенным в движении «бегунов» надо признать то, что свойственный им пафос отрицания феодальной действительности, их ненависть к угнетателям и всей системе угнетения, их осознание невозможности жить по-старому — были (в той или иной мере) близки значительному большинству русского крестьянства периода кризиса феодализма и реформ 60-х годов XIX века. «Бегуны» отличались от других слоев крестьянства только последовательностью своего отрицания и тем, что вопреки этой последовательности ненависть возводилась ими в религиозный принцип. Поэтому их пропаганда, их тайные листки, песни, легенды так активно воспринимались крестьянскими массами, не принадлежащими к секте, даже не принадлежащими к старообрядчеству или сектантству вообще, которое тоже составляло, кстати говоря, заметную часть русского крестьянства (в 80—90-е годы XIX века в России было не менее 16—18 млн. старообрядцев и сектантов) ¹.

* * *

Мы уже говорили о том, что «бегунам» не было свойственно ни смирение, ни пассивное страдальчество. Они жаждали деятельности. Следует еще добавить, что в отличие от так называемых мистических сект — духоборов, молокан и т. д. — учивших, что «царство божие» находится «внутри нас» и его нужно всячески оберегать, а не искать во внешнем мире, думать о самосовершенствовании и спасении собственной души, «бегуны» по-мужицки жаждали не будущего блаженства на небесах, а «царства божьего» на земле. Одному из основных своих тезисов — «града настоящего не имамы, а грядущего взыскуем» — они придавали вполне реальное, практическое выражение.

Иногда эти мечты приобретали, несмотря на свою «приземленность», религиозные, эсхатологические формы: близок конец мира, придет спаситель на белом коне, сотворит брань с антихристом (в этой брани «бегуны» будут в первых рядах его воинства) и установит после победы над ним тысячелетнее царство справедливости. «Бегунов», однако, не удовлетворяло абстрактное толкование легенды, идущей от Апокалипсиса. Они вносили в нее свои поправки и свою конкретизацию. Во-первых, все это должно произойти в самое ближайшее время и, с другой стороны, тысячелетнее царство будет совсем рядом, в районе Каспийского моря. Поэтому «бегуны», не дожидаясь событий, стремились в Астраханскую губ., селились в «камышях», рыли там землянки для того, чтобы быть поближе к территории будущего «тысячелетнего царства» и уже сейчас уйти из-под опеки начальства ². Об этом бегстве к Каспийскому морю говорит и популярная у «бегунов» пословица: «Коль захочешь в камыши, так паспорта не пиши, а захочешь в Разгуляй (т. е. Астрахань. — К. Ч.), и билет не выправляй» ³.

¹ А. Пругавин. Отщепенцы. СПб., 1884.

В России в 80—90-е годы XIX века было 80—90 млн. населения.

² См. свидетельства А. Шапова, П. И. Мельникова, Л. Трефолева, А. Розова и др. См. также: Ф. В. Ливанов. Раскольники и острожники. Т. I—IV. СПб., 1873.

³ Розов, стр. 539.

В литературе по русскому старообрядчеству XIX века отмечалась роль «бегунов» в создании легенды о граде Китеже; это было убедительно подтверждено в советское время в обстоятельном исследовании В. Л. Комаровича¹. «Бегунам», судя по всему, были хорошо известны легенды о Млевских монастырях, о Жигулевских горах² и других легендарных «сокровенных» местах, где сохраняется возможность спастись от «антихриста» в широком смысле этого слова. Однако подобные религиозно-утопические легенды (содержавшие, разумеется, и некоторые социальные элементы) могли увлекать лишь временно. Практичный и трезвый, в целом мало склонный к мистицизму, крестьянский ум должен был искать более реальных вариантов осуществления социальных (а вместе с тем и религиозных) чаяний и более реальных целей и маршрутов своего «бегства». Вместе с другими крестьянами «бегуны» бежали в европейские и сибирские казачьи районы, несмотря на то, что уже с начала XVIII века не только власти, но и сами казаки стремились препятствовать этому движению; они бежали в северные леса, мало освоенные администрацией; они принимали активное участие во все нараставшем ко второй половине XIX века переселенческом движении; наконец, бежали к зарубежным казакам-некрасовцам в Болгарию и Турцию и т. п. Первое время на новых местах удавалось устроить жизнь на общинно-артельных, т. е. единственно справедливых по крестьянским представлениям, началах. Это порождало определенные иллюзии, идеализацию вольных земель без начальства и без социального неравенства, а вслед за этим — слухи, рассказы, песни, легенды, предания о привольной жизни на новых местах. Так родилась легенда о Тарбогатае, которую передает Н. А. Некрасов (вслед за декабристом А. Н. Розеном) в поэме «Дедушка», легенда о вольном житье на реке Дарье, легенда о «городе Игната» и другие.

Легенда о реке Дарье тоже мало известна и не изучена³. Из скудных сообщений печати середины XIX века можно заключить, что распространялась она в 40-е годы преимущественно в приволжских губерниях. В статье «Наши общественные дела», опубликованной в некрасовских «Отечественных записках», Н. Демерт пишет: «Когда между крестьянами, по деревням начинают распространяться бог знает откуда и почему, темные, нелепые слухи о скором светопреставлении, о переселении куда-то, зачем-то, то это верный признак плохого их экономического положения. После страшных неурожаев в начале 40-х годов и картофельной войны между крестьянами восточных губерний распространился слух о всеобщем переселении на Дарью-реку с сытною водой, с кисельными берегами, и слух этот наделал тогда немало хлопот⁴. Сообщение Демерта подтверждает Липранди. В упомянутом обозрении расколов, ересей и сект он отмечал: «Укажем из весьма недавних событий на движение, произведенное в волжских губерниях слухом о дозволении помещичьим крестьянам переселяться на Сыр-Дарью, причем примешано было имя в бозе усопшего великого князя Константина Павловича, якобы там воцарившегося»⁵. Здесь отсутствует по вполне понятным

¹ В. Л. Комарович. Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд М.—Л., Изд. АН СССР, 1936, стр. 23—41.

² См. об этом в «Очерках поповщины» П. И. Мельникова-Печерского и др.

³ В. Бахтин упомянул ее в статье «О творчестве коллективном и индивидуальном». «На рубеже», 1954, № 3, стр. 70.

⁴ Д. [Демерт Н.]. Наши общественные дела. «Отечественные записки», 1872, № 6, стр. 259.

⁵ Кельсиев, стр. 145.

причинам ссылка на социальные и экономические причины возникновения легенды и, с другой стороны, звучит возмущение «примешиванием» имени Константина Павловича. Отметим последнее как характерное привнесение в легенду царистских иллюзий — Константин, не воцарившийся по конституционным причинам, был, вероятно, воспринят как возможный «хороший царь», отстраненный помещиками. Подтверждает существование легенды о Дарье-реке и П. И. Мельников-Печерский. В «Отчете о состоянии раскола в Нижегородской губернии» его интересует по преимуществу участие старообрядцев в создании подобных легенд. Сообщая о том, что «бродяжничество», согласно данным статистики, развито у старообрядцев примерно в три раза сильнее, чем у остальной массы крестьянства, и перечисляя некоторые случаи «бегства» семей и целых деревень из Нижегородской губ. в 50-е годы, он утверждает: «Едва ли можно сомневаться, что сказки о реке Дарье, обильных землях и самородном хлебе пускаются в народ раскольниками. Пишут же они из бегов и из ссылки письма к землякам своим, восхваляя привольное житье на чужой стороне»¹.

Иного происхождения, но тоже чрезвычайно любопытна легенда о «городе Игната». Как известно, после поражения казачьего восстания под руководством Игнатия Некрасова и гибели самого руководителя восстания казаки-некрасовцы в 1740 году (и частично в 80-е годы XVIII в.) ушли на Дунай, в Добруджу, где осели у оз. Разельм. Позже часть из них переселилась в азиатскую Турцию на остров Майнос. По-видимому, уже в XIX веке среди некрасовцев возникла легенда, получившая известность и в России: была якобы еще и третья ветвь некрасовцев, возглавленная самим Игнатом²; эта группа ушла за Пешаное море (т. е. Аравийскую пустыню) и там на плодородных землях стала жить вольно и богато. В XIX веке, как пишет Ф. В. Тумилевич, «некрасовцы усиленно искали город Игната Некрасова. Их ходоки побывали в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке»³.

С 1839 по 1858 год Ф. Тумилевич сделал несколько записей этой любопытнейшей легенды⁴. Добавим, что еще в 1862 году об известном ему письменном маршруте, который вел к некрасовцам, А. Шапов писал: «Таков, например, находящийся у меня подробный маршрут, кажется, беглопоповщинский — дорога от г. Хвалынска (Саратовской губ.) чрез Москву, чрез Черниговскую губ. и т. д., чрез Днестр, в Молдавию, к некрасовцам»⁵.

На этой же почве возникает и легенда о Беловодье.

Мы уже говорили, что один из важнейших источников изучения легенды о Беловодье — тайные листки, писанные крестьянской рукой. Рассмотрим теперь так называемые «путешественники» — подобные листки, распространявшиеся, вероятно, довольно широко, но созданные именно «бегунами».

Обычно считается, что первая и единственная публикация текста

¹ Мельников, стр. 242—243.

Роль старообрядцев здесь явно преувеличена.

² Ф. Тумилевич. Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани. „Дон“, 1958, № 8, стр. 143.

³ Об этом же пелось и в песне, популярной у некрасовцев „Ой, в раздолийце да было далекою“ (см. Ф. Тумилевич. Песни казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1947, № 43. Обзор вариантов этой песни и публикацию новой записи см. Ц. Ст. Романска. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско. София, 1959, стр. 33—35).

⁴ Ф. В. Тумилевич. Сказки и предания казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1961, № 42, 44, 45, 46 и комментарии к ним.

⁵ „Время“, 1862, № 10, стр. 277.

«Путешественника» принадлежит П. И. Мельникову-Печерскому¹. Однако еще до него, в 1862 году, А. П. Шапов издал «Путешественник» по другому списку, включив его в свою статью «Земство и раскол»². Позже, в начале XX века, еще один список был напечатан Д. Н. Беликовым в книге «Томский раскол»³. Кроме того, пересказы «Путешественника», основанные на других списках, содержатся как в книге Д. Н. Беликова, так и в статье Г. Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство», опубликованной при содействии В. Г. Короленко в «Записках Русского географического о-ва»⁴.

М. Н. Сперанский, посвятивший «Путешественнику» Марка Топозерского небольшое подразделение статьи «Сказание об Индийском царстве», писал: «К сожалению, из списков сочинения Марка Топозерского, кроме приведенного целиком (стр. 23, примеч.) у П. И. Мельникова, мне удалось разыскать только еще один, но и этот (Ист. муз. 1561, в 4-ку) оказался иной редакции, притом скомканный и малограмотный»⁵. В рукописном отделе Института Русской литературы АН СССР (Пушкинского дома) хранится еще три списка «Путешественника», поступивших в последние годы⁶.

Сравнительно малое количество известных списков не должно считаться свидетельством нераспространенности «Путешественника» и, тем более, самой беловодской легенды. Севернорусское, центральнонорусское и сибирское происхождение отдельных списков, отзвуки «Путешественника» в документах, касающихся Пермской и Оренбургской губ., б. области Уральского казачьего войска, в подложных грамотах Аркадия Беловодского (о котором еще будет речь), действовавшего во многих районах России,— все это говорит о том, что «Путешественник» был довольно широко распространен и, если в нашем распоряжении все же сравнительно мало списков, то это следует объяснить тайным и вполне практическим характером этого документа; это отнюдь не художественное произведение, не поэтическое изложение легенды, а листовка, призывающая идти в Беловодье и одновременно маршрут, памятка о том, как можно туда попасть.

Приведем некоторые свидетельства распространенности «Путешественника». Еще Трефолев в первой в русской печати большой работе о «бегунах» писал, что большинство из них имеет «маршруты» или «путники»⁷. О существовании «Путешественника» и других подобных ему маршрутов говорил А. Шапов⁸. Подобные сведения сообщаются и многими другими авторами, специально изучавшими «бегунство» (Мельников-Печерский, Пятницкий, Харламов, Ивановский и др.). Можно было бы принять некоторые из них за традиционное повторение свидетельства Шапова и Трефолева или Мельникова-Печерского. Однако и люди, непосредственно связанные с «бегунами» и даже искавшие Беловодье,

¹ П. И. Мельников-Печерский. Собр. соч., т. VII. СПб., «Нива», 1909, стр. 22—24, примеч. См., например, М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве. Изв. ОРЯС, т. III, кн. 2, 1930, стр. 437—439, гл. «Сказание и старая письменность», § 7.

² «Время», 1862, № 10, стр. 277—278.

³ Беликов, стр. 143.

⁴ «Записки РГО», т. XXVIII, вып. 1, 1903, стр. 13—77 (далее: Хохлов).

⁵ М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве, стр. 438, примеч. 2.

⁶ Все три списка доставлены в рукописный отдел В. И. Малышевым, которому автор выражает признательность за помощь при разыскании и прочтении рукописей. Других списков «Путешественника» в рукописных хранилищах Москвы и Ленинграда не обнаружено.

⁷ Трефолев, стр. 213.

⁸ Шапов, стр. 277.

пишут совершенно то же. Так, например, «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство» начинается со слов его автора — казака Г. Т. Хохлова: «Прежде чем приступить к описанию нашего путешествия, я поясню читателям, что именно побудило нас к этим трудам. В текущем столетии распространилось много письменных маршрутов, указывающих, что на Японских, Сандвичевых и Аланских островах народы цветут христианским благочестием от проповеди Фомы-апостола. В особенности маршрут под названием инока Марка (бывшей Белозерской¹ обители), который будто бы сам с двумя товарищами путешествовал через Китайское государство и достигли этих островов в Беловодии»². Д. Н. Беликов, изучавший судебные дела крестьян, намеревавшихся бежать в Беловодье, сообщает: «Весной 1838 г. у крестьянина деревни Каянчи Перевалова городили поскотину³ двое из пермяков Осинского уезда, фамилии которых остались неизвестными. За работой пришельцы разговорились с местным обывателем Змаковским и признались, что зашли в Сибирь, чтобы следовать отсюда во святую страну, при чем показали маршруты для проникновения в эту последнюю»⁴. Пересказав со слов Змаковского подробный маршрут, Д. Н. Беликов добавляет: «Впоследствии сын Машарова Фаддей (из д. Устьюбы, упоминающейся в «Путешественнике». — К. Ч.) показывал, что видел у многих пермских и оренбургских жителей и других приезжавших людей такие же маршруты, которые он, Фаддей, отбирал и сжигал в печке. Таинственные пришельцы вообще начали появляться в Алтае так часто, что на это обстоятельство обратило внимание уездное полицейское начальство, поручившее задерживать и допрашивать их казачьему уряднику Мокиеву. Вскоре Мокиев остановил крестьян Оренбургской губ. Уфимского уезда Рагузина и Бобкина, при которых оказались так же маршруты или «Путешественники»⁵.

В основе «Путешественника» лежит интересующая нас легенда, а ее популярность была важнейшим условием его распространения. Именно поэтому необходимо подвергнуть «Путешественник» специальному рассмотрению.

Списки «Путешественника» довольно определенно группируются в три редакции, из которых одна — севернорусская — особенно полна и интересна. Перечислим известные нам списки.

Первая редакция (севернорусская)

1. **МП-1.** Опубликовано П. И. Мельниковым-Печерским в примечаниях к статье «Очерки поповщины». — П. И. Мельников-Печерский. Собр. соч., «Нива», 1909, стр. 22—24; со ссылкой на «Иргизский сборник» (л. 47, на обороте). Здесь же Мельников ссылается на одно разночтение по другому списку, который был в его руках (**МП-2**).

2. **ИРЛИ-1.** Список рукописного отдела ИРЛИ АН СССР, Печорское собрание. Сборник № 70, л. 156—161. Датирован 1882 годом, в 8°. Писан печорским полууставом. См. о нем и сборнике: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, Коми кн. изд-во, 1960, стр. 119—121. Озаглавлен: «Сказание из путешествия бывшего с крещенцам в лето 7382 (1874), рассказанное самовидцем иноком Марком Топозерской обители бывшим в том году в понском государстве».

¹ Явная опечатка. Следует: „Топозерской“.

² Хохлов, стр. 13.

³ Загон для скота.

⁴ Беликов, стр. 142.

⁵ Там же, стр. 143.

3. **ИРЛИ-2.** Там же. Печорское собрание. Сборная рукопись № 71 в 8°, писан в последней трети XIX — начале XX века на бумаге фабрики Платунова. Без заглавия. См. В. И. Малышев, указ. соч., стр. 121—122. Найден в Усть-Цильме.

4. **ИРЛИ-3.** Там же. Печорское собрание. Поступление 1960 года. Найден (С. А. Мамонтов) в с. Медвежском Печорского района Коми АССР. Писан подражательным полууставом на отдельных листках в 8°с пропусками и ошибками. Озаглавлен: «Начинается путешествие с керженцы 7382 (1874) действительно самовидец иноком топорской обители бывшим в понском государстве, его самопутешественник».

Вторая редакция

5. **Щ.** Опубликован А. П. Щаповым (Щапов, стр. 277, 278). Перепечатан Л. Н. Трефоловым (Трефолов, стр. 211).

6. **ГИМ.** Список рукописного отдела Государственного Исторического музея. Музейное собрание № 1561, в 4° в сборнике, содержащем статьи: «Глаголание Августина-учителя в прологе псалтыри и иных о силах псалмов», «О языке», «Книга пчела» и «Книга гранограф». Писан подражательным полууставом.

Третья редакция (сибирская)

7. **Б.** Опубликован Д. Н. Беликовым (Беликов, стр. 143). По сообщению Беликова список отобран урядником Мокиевым от крестьян Оренбургской губ. Уфимского уезда Рагузина и Бобкина в Алтайской волости Томской губ. В начале XX века список хранился в «Деле о намерении некоторых крестьян Алтайской волости бежать на Беловодье» в архиве Томского губернского управления, св. 217, л. 56.

Итак, нам доступны семь списков «Путешественника»; кроме того, как уже говорилось, сохранились достоверные свидетельства о существовании, по крайней мере, еще трех списков (**МП-2**; Хохлов; Беликов).

В соответствии с группировкой по редакциям публикуем текст «Путешественника» по трем основным спискам. Для первой редакции нами избран список **МП-1**, как наиболее удобный для этой цели; для второй — **ГИМ**, как единственный рукописный. По остальным спискам приводятся все разночтения в последовательности основного списка.

ПЕРВАЯ РЕДАКЦИЯ

Путешественник, сиречь маршрут в Опоньское царство, писан действительным самовидцем иноком Марком, Топозерской обители, бывшим в Опоньском царстве. Его самый путешественник¹.

Маршрут, сиречь путешественник: от Москвы на Казань, от Казани до Екатеринбурга и на Тюмень, на Каменогорск, на Выбернум деревню,

¹ **ИРЛИ-1.** Сказание из путешествия бывшего с керженцам [sic!] в лето 7382 (1874), рассказанное самовидцем иноком Марком Топозерской обители бывшим в том году в понском государстве.

ИРЛИ-2. Нет.

ИРЛИ-3. Начинается путешествие с керженцы 7382 (1874) действительно самовидец иноком Топозерской обители бывшим в понском государстве, его самопутешественник.

на Избенск, вверх по реке Катунь на Красноярск, на деревню Устьюбу, во оной спросить странноприимца Петра Кириллова².

Около их пещер множество тайных и мало подале от них снеговые горы распространяются на 300 верст, и снег никогда на оных горах не тает³. За оными горами деревня Умоменска⁴ и в ней часовня; инок схимник Иосиф. От них есть проход Китайским государством, 44 дня ходу, через Губань, потом в Опоное государство⁵. Там жители имеют пребывание в пределах окяна-моря, называемое Беловодие. Там жители на островах семидесяти, некоторые из них и на 500 верстах расстоянием, а малых островов исчислить невозможно⁶.

О тамошнем же пребывании онаго народу извещено хриstopодражателям древляго благочестия святых соборных и апостольских церкви. Со истинною заверяю, понеже я сам там был со двумя иноками, грешный и недостойный старец Марко. В восточных странах с великим нашим любопытством и старанием искали древляго благочестия православного священства, которое весьма нужно ко спасению⁷.

² ИРЛИ-1. В маршруте: путешествие началось с Москвы на Казань и оттуда на Екатеринбург, на Тюмень и Барнаул, в Бейск, вверх по реке Катунь на Краснокут, в деревню Оустюбу, где нужно спросить странноприимца Петра Кириллова.

ИРЛИ-2. От Москвы на Казань, от Казани на Екатеринбург и на Тюмень, и на Барнаул в деревню Бейск, вверх по реке Катунь на Краснокут, в деревню Оустюбу и в оной спросить странноприимца Петра Кириллова.

ИРЛИ-3. Маршрут путешественник: от Москвы на Казань, от Казани на Екатеринбург и на Тюмень, на Барнаул, в деревню Бейск, вверх по реке Катунь на Краснокут, в деревню Устьюбу и во оной спроси странноприимца Петра Кириллова.

³ ИРЛИ-1. Около их деревни множество пещер и в них живут скрытники и недалеко и подале от них снеговые горы простирающиеся на 300 верст; снег никогда на этих горах не тает.

ИРЛИ-2. Около их пещер множество скрытых и мало подале от них снеговые горы распространяются на 300 верст, снег никогда на оных горах не тает.

ИРЛИ-3. Около их пещер множество скрытых и мало подале от них снеговые горы распространяются на 300 верст, снег никогда на оных горах не тает.

⁴ МП-2. Устьменска.

⁵ ИРЛИ-1. За оными горами деревня Оумайска, в ней часовня, а живет инок Иосиф схимник; от них есть проход в китайское государство, по нему идти 44 дня; ход через реку Бурат, а потом в Апонское государство.

ИРЛИ-2. За оными горами деревня Оумайска, в ней часовня, инок схимник Иосиф; от них есть проход китайским государством, 44 дня ходу через Буран-реку и потом во апонское государство.

ИРЛИ-3. За оными горами деревня Умайска, в ней часовня, инок схимник Иосиф; от них есть проход китайским государством, 44 дня ходу, через Буран реку, и потом во апонское государство.

⁶ ИРЛИ-1. Тамо жители имеют [ся?], в пределах окяна-моря есть острова, называемые Беловодие; тамо жители на 70 островах, на 500 верстах, а расстоянии от малых островов исчислить невозможно, и между теми островами имеются великия горы.

ИРЛИ-2. Тамо жители имеют в пределах окяна-моря называемое Беловодие, тамо жители на островах 70, некоторые из них, островов, изчислити невозможно, и между ими, островами, имеются великия горы.

ИРЛИ-3. Тамо жители имеют в пределах окяна-моря называемое Беловодие, тамо жители на островах 70, некоторые из них, островов, и на 500 верст расстояние, от малых островов исчи[с]лити невозможно, и между ими, островами, имеются великия горы.

⁷ ИРЛИ-1. О тамошнем же пребывании онаго народа извещаю хриstopодражателем древняго благочестия святых соборных и апостольских церкви со истинною верою, понеже я сам там был со двумя иноками недостойный старец Марко. В тех восточных странах с великим зело нашим желанием и ревностным старанием искали древняго благочестия священства, которое весьма нужно ко спасению душ наших.

ИРЛИ-2. О тамошнем же пребывании онаго народу извещаю хриstopодражателем древняго благочестия [я] святых соборных и апостольских церкви со истинною верою понеже я сам тамо был со двумя иноками недостойный старец Марко. В восточных странах с великим нашим желанием и ст[а]ранием искали древняго благочестия православного священства, которое весьма нужно ко спасению своей души.

ИРЛИ-3. О тамошнем же пребывании онаго народу извещаю хриstopодражателем

С помощью божиею и обрели асирского языка 170 церквей, имеют патриарха православного антиохийского поставления и четыре митрополита. А российских до сорока церквей тоже имеют митрополита и епископов асирского поставления ⁸.

От гонения римских еретиков много народу отправлялось кораблями Ледовитым морем и сухопутным путем. Бог наполняет сие место ⁹.

А кто имеет сомнение, то поставляю бога во свидетели нашего: имать приноситься бескровная жертва до второго пришествия Христа ¹⁰.

В том месте приходящих из России принимают первым чином: крестят совершенно в три погружения и желающих там пребыть до скончания жизни. Бывшие со мною два инока согласились вечно остаться: приняли святое крещение ¹¹.

И глаголют они: «Вы все осквернились в великих и разных ересьях антихристовых, писано бо есть: изыдите из среды сих нечестивых чело-

древняго благочестия святых соборных и апостольских церкви со истинною верою, понеже я сам тамо был, недостойный старец Марко; в восточных странах с великим нашим желанием и старанием искали древняго благочестия православного священства, которое весьма нужно ко спасению своея души.

⁸ ИРЛИ-1. С помощью божиею ту обрели православных церквей древняго благочестия от сирского языка 170, которые имеют патриарха антиохийского поставления и 4 митрополита. А российских словенского языка до 40 церквей тоже имеют митрополита и епископа асирского поставления.

ИРЛИ-2. С помощью божиею обрели от сирского языка 170 церквей, имеют патриарха антиохийского поставления и 4 митрополита, а российских словенского языка до 40 церквей, тоже имеют митрополита и епископа асирского поставления.

ИРЛИ-3. С помощью божиею обрели от сирского языка 70 церквей, имеют патриарха антиохийского поставления и 4 митрополита; а российских словенского языка до 40 церквей, тоже имеют митрополита и епископа асирского поставления.

⁹ ИРЛИ-1. Проживающий народ на вышеозначенных островах беловодских при означенных церквах с духовным чином древняго поставления оуклонившихся от гонения римских западных папешских еретиков в те восточные места. Также и россияне во время и[з]менения церковного чина Никоном патриархом московским и древняго благочестия бежали из Соловецкой обители и прочих мест Российского государства немалое число, отправились по Ледовитому морю на кораблях всякого звания людей, а другия и сухопутным путем и оттого наполнились те места.

ИРЛИ-2. От гонения римских еретиков много народу оуклонилось в те самыя восточныя страны; а россияне во время изменения благочестия оуклонилось из Соловецкой обители и ис прочих мест много отправилось кораблями Ледовитым морем и сухопутным путем, дабы наполнилось место.

ИРЛИ-3. От гонения римских еретиков много народу уклонилось в те самыя восточныя страны, а россияне во время изменения благочестия уклонилос из Соловецкой обители и ис прочих мест, много отправились кораблями Ледовитым морем и сухопутным путем, дабы наполнилось место.

¹⁰ ИРЛИ-1. А сему моему действительному рассказу прошу и молю вас, любители древняго благочестия, без сомнения послушати, в том аз бога поставляю свидетеля, что по писанию глаголему яко истинная жертва божия, то есть тело и кровь Христова имать приноситься по неложному Христову словеси до второго пришествия Христова.

ИРЛИ-2. А кто имеет сомнение, то поставляет бога свидетеля, что имать приноситься жертва до второго пришествия Христова.

ИРЛИ-3. А кто имеет сомнение, то поставляем бога свидетеля, что имать приноситься жертва до втораго пришествия Христова.

¹¹ ИРЛИ-1. В тех местах приходящих из России принимают, первые крестят совершенно в три погружения, желающие пребыти до конца своей жизни. Бывши же со мною два инока согласились тамо вечно остаться и приняли святое крещение.

ИРЛИ-2. В том месте приходящих ат Росии принимают первым чином, крестят совершенно в три погружения, желающие пребыти до конца в своей жизни. Бывшая со мною два инока согласились тамо вечно остаться, приняли святое крещение.

ИРЛИ-3. В том месте приходящих из Росии принимают первым чином, крестят совершенно в три погружения, желающие пребыти до конца в свое жизни. Бывшая со мною два инока согласились тамо вечно остаться, приняли святое крещение.

веки и не прикасайтесь им, змия, гонящегося за женою: невозможно ему постигнуги скрывшейся жены в расселены земныя»¹².

В тамошних местах татьбы и воровства и прочих противных закону не бывает. Светского суда не имеют; управляют народы и всех людей духовныя власти. Тамо древа равны с высочайшими древами. Во время зимы морозы бывают необычайные с расселинами земными. И громы с землетрясением немалым бывают. И всякие земные плоды бывают; родится виноград и сорочинское пшено. И в «Шведском (?) путешественнике» сказано, что у них золота и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много. А оные апонцы в землю свою никого не пускают, и войны ни с кем не имеют: отдаленная их страна. В Китае есть град удивительный, яко подобнаго ему во всей подсолнечной не обретається. Первая у них столица — Кабан¹³.

Вторая редакция

Путешествие во святыи места и где святыя отческии монастыри, патриархи и митрополиты по Христову словеси: «Се аз есмь с вами до скончания века не ложно... вещался. И Кирилл Иерусалимский свидетельствуют бысть в полности до Христова пришествия живу жертву возмет пречистыма своима рукама¹.

¹² **ИРЛИ-1.** Тамошнии жители и все духовенство говорят, что мы вси осквернились зверем лютым антихристом, писано бо есть: изыдите от среды нечестивых и не прикасайтесь им и змия гонящегося за женою, но невозможно ему постигнуги скрывшиися жена в расселинах земныя.

ИРЛИ-2. И глаголют: вы вси осквернились великих зверей антихристовых, писано есть: изыдите от среды нечестивых и не прикасайтесь им и змия, гонящегося за женою; но невозможно ему постигнуги, крившиися жена в расселены земныя.

ИРЛИ-3. И глаголют: вы вси осквернились великих зверей антихристовых, писано есть: изыдите от среды нечестивых и не прикасайтесь им, змия гонящегося за женою, но невозможно ему постигнуги, крившиися жена в расселины земныя.

¹³ **ИРЛИ-1.** В том месте татьбы не бывает и других пакостей не делают и светского суда оу них несть, а оуправляют народом духовныя власти. Тамо древа с высочайшими горами равняются. Во время зимы мразы бывают необычайны с расселинами земными, а в летное время громы бывают страшны, яко и земли колебаться и трястися. А земныя плоды всякия весьма изобильны бывают; родится виноград и сорочинское пшено и другия сласти без числа. Злата же и серебра и камня драгого и бисеру зело много, ему же несть числа, яко и оумом не постижимо.

И оныя апонцы потому и в землю свою никого не пускают и войны не с кем не имеют, потому что земля их отдалена от прочих земель. В том месте град есть по имени Скитай, оудивлению достойныи яко подобна ему [н] есть по всей подсолнечней. Также и друзии грады обретаются тамо мнози, ко сожитию человеческому весьма способны. Неизлишним щитаем и то оупомануть, что в землю эту Беловодие только те могут по рассказам оного путешественника достигнуть, которые всеревностное и огненальное желание положат вспять не возвратитесь. Такогово господь действительно приводит. Аминь.

ИРЛИ-2. В тамошнем месте татьбы не бывает и воровства, и светского суда не имеют, оуправляют народ всех людей духовныя власти. Тамо древа равны с высочайшими горами. Во время зимы мразы бывают необычны с расселинами земными и грам (sic!) с землетрасением. И всякия земные плоды весьма бывают изобильныя, родятся виноград срачи[н]ская пшена. В етом путешественник пишет, что оу них золота и серебра несть числа, драгоценного бисера и камня драгого весьма много. А оныя апонцы в землю свою не пускают и войны не имеют не с кем, отдалена их ... Скитай есть град удивительный, яко подобна емоу несть по всей подсолнечней и [о]бретається оу них град. Ко путешественнику конец.

ИРЛИ-3. В тамошнем месте татьбы не бывает и воровства и светского суда не имеют, управляют народ всех людей духовныя власти. Во время зимы мразы бывают необычны с расселинами земными и гром с землетрасением. И всякия земныя плоды весьма бывают изобильны, родятся виноград и срачинская пшена. В етом путешественник пишет, что у них золота, серебра несть числа, драгоценного бисера и камня драгого весьма много. А оныя апонцы в землю свою не пускают и войны... [не окончено].

¹ **Щ.** Нет.

Ход от Москвы на Казань, на Екатеринобург, на Тюмень, на камский Кабарнаул, на небесной верх, по реке Котуне на Краснодар. Тут деревня Ай и тут часовня и деревня Юстюба к реке и туту во Устюбе спросить странноприимца Петра Кириллова ².

И тут пещер множество, от пещер снеговая гора на 300 верст, от Адама лед стоит в своем виде и никогда не тает. За горою деревня Димонска, в той деревне часовня и обитель, а настоятель инок схимник Иосиф ³.

От той обители есть ход, 40 дней со отдыхом и чрез китайскую землю, и 4 дни куканию (?), потом в Японское царство ⁴.

Живут в губе окияна моря, место называемое Беловодие, и озеров много, и семдесят островов. Острова есть по 600 сот верст и между их горы ⁵.

О Христе подражатели соборной апостольской церкви, прошу примым образом, безо всякия лести ⁶.

А тамо антихрист не может быть и не будет. А тамо леса темные, горы высокия, разселины каменные. А народ от России особенный, а воровства никогда не бывает. Аще китайцы были бы христиане, то ни единая душа не погибла ⁷.

Веру мне имите любители Христовы, грядите и поверте Иоанну Божеслову: за женою змий спусти воду и разсееся вода, земля пожре воду, а жене бог помог, дадеся два крыла и парит в пустыню, и препитана будет время и времени и полвремени, то есть 42 месяца. Ведомо есть, обладати хотят еретицы и толкуют, но противно Христу ⁸.

Асирияне от папы римского гонимы были, из своей земли отлучились 500 лет, а приискивали места два старца ⁹.

Церкви[ей?] святей христианских асирианских до 100. И патриарх антиохийских и 4 митрополит и все особы духовны существуют неизменно и нерушимо сохраняя[т], а российских 40 церквей и 4 митрополита, занялись от патриарха асирийского, отлучились от своих мест от лет Никона патриарха, а приход их был от Зосима и Саватия соловецких кораблями чрез Леденое море. Таким же образом отцы писали из монастыря Зосима и Саватия соловецких чудотворцов ¹⁰.

² Ш. На Екатеринбург, на Томск, на Барнаул, вверх по реке Катурне на Красный Яр, деревня Ака, тут часовня и деревня Устба. В Устбе спросить странноприимца Петра Кириллова, зайти на фатеру.

³ Ш. Тут еще множество фатер. Снеговые горы: оные горы на 300 верст, от Алама (?) стоят во всем виде. За горами Дамаская деревня; в той деревне часовня; настоятель схимник инок Иоанн.

⁴ Ш. В той обители есть ход, 40 дней с роздыхом через Кижискую [sic!] землю, потом 4 дня ходу в Титанию, там в осеонское [sic!; Л. Т р е ф о л е в: во Сионское.—К. Ч.] государство.

⁵ Ш. Живут в губе океане моря; место называемое Беловодье и озеро Лове, а на нем 100 островов, а на горах живут о Христе подражатели Христовой церкви, православные христиане.

⁶ Ш. И с тем прошу прямым образом, безо всякой лести; вас уверяем всех православных христиан, желающих последовать стопам Христовым.

⁷ Ш. А там не может быть антихрист и не будет. И во оном месте леса темные, горы высокие, разселины каменные. А там народ именно, варварств никаких нет и не будет, а ежели бы все китайцы были христиане, то б и ни одна душа не погибла.

⁸ Ш. Любители Христовы, грядите вышеозначенною стезею!

⁹ Ш. От пана гонима из своей земли, отлучились 500 лет и приискивали им место два старца.

¹⁰ Ш. Церквей сирских... сущих христианских российских церквей 44, и христианские у них митрополиты занялись от сирского патриарха. И отлучились от своих мест от числения Никона патриарха, а приход был от Зосимы и Савватия, св. соловецких чудотворцев, кораблями чрез Ледовое море. И таким же образом отцы посылаемы приискивали от Изосимы и Савватия.

А сей памятник писан тем самым, который сам там был; имя мое многогрешный инок Михаил. Аминь ¹¹.

Третья редакция

Милостивыи государи и вси еже во Христе любимии братие! На Беловодье надобно ехать до г. Бийска и по Смоленской волости до деревни Устюбы. Тут есть странноприимец Петр Мошаров и он путь покажет через горы каменные снеговья. И тут есть деревня Уймон, и в ней инок схимник Иосиф содержит обитель. Тут есть место, где скрыться от антихристовой руки, есть и люди тут, которые проведут дальше.

А проход весьма труден. И там нужно идти неверными. Двенадцать суток ходу морем и три дня голодной степью. И дойдешь до высокой каменной горы и через нее проход труден.

И отсюда еще дивно ¹ время ходу. Всего два месяца с половиной идти было.

Есть и люди и селения большие; тут и донныне имеется благочестие и живут христиане, бежавшие от Никона-еретика. А за рекой другое село, в котором имеются епископы и священники и все служат они босы. Имеется там церквей сто сорок.

И как возможно старайтесь до одного благочестия и просить людей, которые знают проходы. Спешествуйте, на сие бог вам в помощь.

Слышал и был: житие вельми хорошо. Писавый сей путешественник инок Михаил.

* * *

Списки «Путешественника» и совпадают, и расходятся в ряде существенных моментов. Списки первой редакции, отличаясь полнотой и пространностью, называют своим автором и одновременно героем Марка Топозерского; списки второй и третьей редакций — некоего Михаила. Можно было бы предположить, что Марк и Михаил — два имени одного и того же лица — до и после «бегунского» или иного «крещения» или пострижения. Известно, что новое имя в этом случае обычно выбиралось такое, у которого первая буква совпадала с первой буквой старого имени (ср., например, имена основателя «бегунства» Евстафий — Евфимий; также у православного духовенства, — например, патриарх Никон — Никита). Однако заметим, что в списках второй и третьей редакций Михаил не называется Топозерским.

Нам неизвестно, в какой из российских губерний был найден список «Путешественника», побывавший в руках Мельникова-Печерского (МП-1). Деятельность Мельникова была связана, главным образом, с приволжскими и заволжскими районами, однако «Путешественник» мог быть извлечен им и из любого московского или петербургского архива. Близость к спискам, найденным в последние годы в севернорусских районах, и упоминание Топозера, лежащего в северной части современной Карелии, позволяет условно отнести его к группе севернорусских.

Столь же мало известно нам и о списке А. П. Щапова (Щ.). В год его публикации Щапов был чиновником Министерства внутренних дел по делам раскола и жил в Петербурге. В отличие от других списков первой и второй редакций в Щ. маршрут начинается не с Москвы и Каза-

¹¹ Щ. Сей же памятник писал сам, там был и писал им свое многогрешное [ный?] иное [инок?]. Михаил своею рукою и о Христе с братиею писал вам.

¹ Много, — Примеч. Д. Н. Беликова.

ни, а с Екатеринбурга. Если это не следствие неразборчивости первых строк списка (здесь нет и заглавия!), то можно было бы предположить возникновение списка Ш. в какой-то из приуральских губерний¹. Происхождение списка, хранящегося в Историческом музее, нам тоже неизвестно и, объединяя ГИМ и Ш. в одну группу, названную нами второй редакцией, мы устанавливаем только их текстуальную близость.

Единственный список третьей редакции столь мало похож на списки первой и второй редакций, что выделить его не составляет труда. Он краток и, как будет показано далее, точен в названиях упоминаемых мест (они начинаются прямо с Бийска), его отличает бытовая простота языка. Несмотря на то, что он принадлежал выходцам из Оренбургской губ., следует предположить, что перед нами не оренбургский, а томский список, пользуясь которым обладатели его — Рагузин и Бобкин — пришли в Алтайскую волость.

Совпадение некоторых фраз, деталей, собственных имен, географических названий и цифр можно было бы принять за свидетельство того, что все списки восходят к какому-то одному рукописному источнику. Все списки называют странноприимца в деревне Устьюбе Петром Кирилловым², а странноприимца и знатока дальнейшего маршрута в деревне, название которой пишется то Умоменска, то Уймон, то Устьменска, то Умайска, то Димонска, то, наконец, Дамасская — Иосифом (Иосафом)³. В первой и во второй редакциях совпадают и сведения о том, что предстоит преодолеть пустившимся в путь после встречи с Иосифом (горы на 300 верст и путь через китайское государство, который займет 44 дня) и другие цифры — количество островов в Беловодье (70), расстояние между ними (500 верст)⁴, количество церквей (170 и 40), церковных чинов⁵ и т. д. Во всех списках первой и второй редакций есть однотипное обращение к читателю с призывом верить автору, образ жены, спасающейся от змия в расселинах земных, описание богатств и достоинств чудесной Беловодии, ссылка на пребывание Марка и двух иноков в ней и т. д. Разумеется, все эти мотивы варьируются в обычных для рукописной традиции пределах. Но обращает на себя внимание и существенное противоречие. Названия местностей, через которые должен лежать путь желающих достигнуть Беловодья (момент, казалось бы, не менее важный, чем все только что перечисленное!) расходятся довольно заметно, причем эти разночтения значительнее, чем это обычно бывает в результате описок переписчиков или ошибок издателей (Выбернум — Барнаул, Избенск — Бийск, Красноярск — Краснодар, Уймон — Дамасская и т. д.). Вероятно, здесь имело место что-то неправильно услышанное, воспринятое по ассоциации с чем-то знакомым, либо просто не удержанное в памяти. Характерно, что расхождения названий начинаются за Екатеринбургом, который был, по-видимому, пределом реальных географических представлений крестьян европейской части России. Не является ли все это следствием того, что устной традиции легче удержать вполне понятные (и притом округленные) цифры и простые имена странноприимцев, чем впервые услышанные да еще и иноязычные по своему происхождению географические названия?

Несмотря на то, что «бегуны», подобно другим ответвлениям «беспоповщины», сравнительно большое значение придавали грамоте и гра-

¹ Может быть, в Пермской; в середине и второй половине XIX века здесь были особенно активны «бегуны», в 70—90-е годы действовал Аркадий Беловодский и т. д.

² Только Б. — Петр Машаров.

³ Только Ш. — Иоанн.

⁴ В некоторых списках не между островами, а до них, их размеры и т. д., но цифры остаются те же.

⁵ В списках второй редакции есть некоторые расхождения.

мотности¹, большинство из них, несомненно, не умело ни читать, ни писать. Вспомним, что «бегунами» становились, главным образом, беднейшие крестьяне, беглые крепостные, беглые солдаты и т. д.

С другой стороны, если процент грамотных среди «бегунов» мог быть несколько выше, чем в основной массе беднейших крестьян, то не следует забывать, что это была начетническая грамотность, сводившаяся преимущественно к знанию библии и сравнительно ограниченного круга старообрядческих рукописей и умению переписывать эти же рукописи. Не случайно «бегунство» за сто с лишним лет своего существования создало мало оригинальных произведений. В отличие от большинства других толков и сект «бегуны» не располагали учеными наставниками, хорошо знающими грамматические и лексические различия современного языка и языка старинных рукописей. Специфическая стилистическая традиция именно этой низовой религиозной письменности со следами устного бытования ясно ощущается во всех известных нам списках «Путешественника», за исключением стоящего особняком томского списка.

Создание «Путешественника» обычно приписывается «бегунам», однако в пользу этого предположения не приводилось убедительных доводов. Между тем изучение текста «Путешественника» дает вполне реальные основания для подтверждения определенной роли «бегунов» как в его создании, так и в распространении.

Прежде всего, отметим устойчивые мотивы, которые явственно говорят о причастности составителей и распространителей «Путешественника» к старообрядчеству вообще. Жители Беловодья попали туда, спасаясь «от гонения римских еретиков» (МП-1; ИРЛИ-2 и ИРЛИ-3) или «от гонения римских западных папешских еретиков» (ИРЛИ-1) или «от Никона патриарха» (ГИМ и Щ.), «от Никона-еретика» (Б.), причем бежали они туда после разорения Соловецкого монастыря через Ледовитое море (все списки). Марк (Михаил) и сопровождавшие ему два инока попали в Беловодье, разыскивая в восточных странах «древлего благочестия православное священство, которое весьма нужно ко спасению» (первая редакция). Автор «Путешественника» называет своих читателей «хриstopодражателями древляго благочестия»; обращаясь к ним, он напоминает о завете «бескровной жертвы до второго пришествия», сообщает, что крестят в Беловодье в «три погружения» и принимают пришедших из России «первым чином», т. е. не только требуя «исправы» и «проклятия ересей» (третий чин) или приобщения посредством «миропомазания» (второй чин), но даже заново перекрещивая². Примечателен в этом смысле и эпитет «керженец», который в двух списках (ИРЛИ-1 и ИРЛИ-3) присвоен Марку Топозерскому.

Кроме общих старообрядческих примет в этом небольшом документе есть и другие, которые и в своей совокупности и в сочетании с уже перечисленными мотивами говорят о его происхождении в бегунской среде. Весь маршрут в Беловодье излагается здесь как путь от «странноприимца» к «странноприимцу» и настойчиво говорится о «пещерах» или «фатерах», в которых можно в случае нужды укрыться («около их множество пещер тайных» — МП-1; «около их деревни множество пещер и в них живут «скрытники» — ИРЛИ-1; «около их множество пещер скрытых — ИРЛИ-2 и 3; «и тут пещер множество» — ГИМ; «тут еще

¹ Ивановский (стр. 38—39) пишет о том, что «бегуны» всех своих детей учили грамоте. Трефолов (стр. 241—242) сообщал о существовании у «бегунов» нелегальных училищ, в которых обучение детей велось по рукописным азбукам.

² Ср. П. И. Мельников-Печерский. Очерки поповщины. Полн. собр. соч., т. VII. Изд. 2. СПб., 1909, стр. 16 и др.

множество фатер» — Щ.; «Тут есть место, где скрыться» — Б.). Особенно характерны ссылки на Апокалипсис и «Кириллову книгу об антихристе» Лаврентия Зизания, которые, как известно, были излюбленными книжными источниками «бегунов». Действительно, в документе, умещающемся в различных списках на одну-две странички, можно отметить, по крайней мере, три реминисценции из Апокалипсиса («Откровение Иоанна Богослова»): обычный «бегунский» призыв со ссылкой на гл. XVIII — «писано бо есть: изыдите из среды сих нечестивых человеки и не прикасайтесь им»; не менее популярный у «бегунов» образ жены, спасающейся от змия в пустыне в расселинах земных, явно восходящий к гл. XII (в ГИМ с прямой ссылкой на Иоанна Богослова); наконец, упоминание еретицы, которая хочет всем обладать, напоминающей вавилонскую блудницу из гл. XVII¹.

Упоминания об антихристе здесь столь настойчивы, резки и определены («мы вси осквернились зверем лютым антихристом» — в первой редакции и в противоположность этому о Беловодье: «А тамо не может быть антихрист и не будет» — во второй редакции и в третьей редакции о «фатерах» странноприимцев: «тут есть место, где скрыться от антихристовой руки, есть и люди, которые проведут дальше»), что они представляются несомнимыми с компромиссными по своей природе представлениями и всех разновидностей заволжской «поповщины», и поморской «беспоповщины» о «чувственном» или «духовном» антихристе. Подобные крайние и непримиримые представления о всеобъемлющем и самом буквально торжестве «антихриста» в современности были свойственны лишь «бегунам» и некоторым близким к ним ответвлениям старообрядчества («неплательщикам», «лучинковцам», «нетовцам» и др.). Однако ни «неплательщики», ни «лучинковцы», ни «нетовцы» не возводили «бегство» от «антихриста» и «брань» с ним в основную догму, придававшую своеобразную окраску всей деятельности секты. Наш же документ не только призывает бежать в Беловодье, но и объявляет, что достигнуть его сможет только тот, кто исполнен решимости оборвать все связи с прошлым: «Неизлишним щитаем и то упомянуть, что в землю эту Беловодие только те могут по рассказам одного путешественника достигнуть, которые всеревностное и огнепальное желание положат вспять не возвратитесь» (ИРЛИ-1)².

Наконец, важным с точки зрения выяснения отношения «бегунов» к «Путешественнику» представляется и приписывание авторства Марку Топозерскому в списках первой редакции.

Кто такой этот Марк и существовал ли он в действительности, установить невозможно. В известных нам документах несколько раз упоминаются «бегуны», носившие это имя, но ни их отношение к «Путешественнику», ни к Топозеру не поддается выяснению³. В этом нет ничего

¹ Обзоры «бегунской» литературы см. у Мельникова-Печерского («Отчет»), Трефолева, Пятницкого и др. Об Апокалипсисе см. Ф. Энгельс. Книга Откровения. В кн.: «К. Маркс и Ф. Энгельс о религии», М., Госполитиздат, 1955, стр. 159—164.

² Ср. аналогичный мотив в легенде о граде Китеже.

³ Можно назвать: 1. Марка Маленького, учившего в нелегальном «бегунском» училище в Борисоглебском уезде в д. Великое Село. — Трефолев, стр. 242; 2. Некогого «Марко из Пошехонья», который пользовался влиянием среди костромских «бегунов» в 30—40-е годы XIX века. — Розов, стр. 523; 3. Марка — отставного унтер-офицера Якова Тепилова, задержанного в 1881 году на Черноисточенском заводе Пермской губ. — См. Бруцевич. Раскол в Пермской губ. «Отечественные записки», 1883, № 6, стр. 186; 4. Попа Марко с Рогожского кладбища. — Беликов, стр. 35 и др.; 5. Марка Максимова из д. Топольной Сибирячихинского прихода Алтайского округа. — Там же, стр. 246 и др.

Единственная попытка объяснить личность Марка Топозерского принадлежит В. Г. Короленко. В предисловии к «Путешествию уральских казаков в Беловодское

удивительного. «Бегуны» избегали всякой официальной регистрации и поэтому нам известны имена только тех из них, которые попадали в руки царского правосудия или упоминались в сравнительно немногочисленных рукописях, составленных самими «бегунами».

Однако примечательно, что этот неизвестный нам Марк — фигура, возможно, легендарная¹ — связывается в «Путешественнике» с Топозером, называется «иноком Топозерской обители». Топозерский скит получил название от Топозера — одного из крупнейших озер северной Карелии, расположенного в средней части нынешнего Лоухского района КАССР или в северо-западной части Кемского уезда Архангельской губ. по старому административному делению.

По имеющимся сведениям, в начале XVIII века берега Топозера были еще необитаемыми. Первые официальные известия о появлении насельников на одном из островов на Топозере (о-в Жилой) относятся к 1771 году². Однако нет оснований считать, что скит возник именно в это время. По сообщению И. Прушакевича, основал его некий Иосиф, пришедший сюда с Выга, где он был «одним из уставщиков», но разошелся в чем-то с «настоятелем и решил основать новый «соглас». Можно предположить, что это произошло после 1739 года, когда выголексинские руководители, понуждаемые так называемой «самаринской комиссией», пошли на компромисс с правительством (согласие «молиться за царя» и др.), который привел к расколу «поморского согласия» и выделению из него «филипповщины»³. Заметим, что авторы, упоминающие Топозерский скит, обыкновенно называют его «филлиповским»⁴. В то же время, в годы

царство* Г. Т. Хохлова он писал: „Лицо это несомненно мифическое, но совпадение имен невольно напоминает о другом путешественнике — венецианце Марко Поло, объехавшем в XIII веке много восточных стран и оставившем описание своих скитаний, нисколько, кажется, не фантастических для того времени, но теперь давно задернутых уже загадочной дымкой отдаленного прошлого. Есть еще одна черта, сближающая путешествия Марко Поло с фантастическим сказанием инока Марка об его путешествии в Беловодии. По этому последнему сказанию христианство в беловодском царстве процветало от проповеди апостола Фомы, и у Марко Поло упоминается о стране, где жил и умер апостол Фома, признаваемый одинаково за святого и христианами и сарацинами. Без сомнения, этих совпадений недостаточно для точного определения источника данной легенды, но они придают все-таки некоторую вероятность предположению (высказанному мне Батюшковым), что отголоски путешествия умного венецианца могли отразиться отчасти на нашем сказании о скитаниях Топозерского инока“. — „Зап. РГО“, т. XXVIII, вып. 1, СПб., 1903, стр. 6—7. Полагаем, что предположение В. Г. Короленко не нуждается в серьезном опровержении, хотя бы уже потому, что записки Марко Поло впервые переведены у нас в XIX веке.

¹ Ср. богатыря Марко-Бегуна в сказке (Оренбургская губ., Афанасьев 200 (116 с), заменившего в этом варианте обычного слепого (сюжет „Слепой и безногий“, Андреев, № 519): Образ Марко-Бегуна здесь очень неясен. Почему он „Бегун“? Потому ли, что потеряв руки, он помогает двигаться своему напарнику, потерявшему ноги, или по каким-то другим причинам? Заметим только, что этот напарник называется Иваном Голым, т. е. его прозвище не связано с его функцией — помогать безрукому. Вместе с тем Голый и Бегун — такая пара героев, может быть, не случайно фигурирует в варианте, который вообще отличается социальной остротой (см. комментарий М. К. Азадовского и Н. П. Андреева к этой записи: „Главный герой носит специфические черты бедняка“, „особенно ярко отражены мотивы крепостного быта: царица приказывает схватить пастуха и выдрать его на кухне“ и т. д. — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. II, М., Гослитиздат, 1933, стр. 603).

² Ив. Прушакевич. Сказание о Топозерском ските. „Архангельские губернские ведомости“, 1863, № 63, стр. 1.

³ „По изустному преданию“, пишет тот же автор, скит просуществовал около 100 лет. Официальные же упоминания его состоялись в 1853 году.

⁴ Исключение составляет Березкин, автор статьи „Сборная книжка Топозерского раскольникового скита“, который называет Топозеро одним из самых давних „гнезд скитничества“. — „Олонекские епархиальные ведомости“, 1898, № 5.

пребывания здесь Евфимия, о роли которого в создании секты мы говорили (он пробыл здесь около двух лет в конце 60-х годов XIX века), «большаком» на Топозере был уже не Иосиф, а беглый сержант Адриан. Известно, что в одно время с Евфимием здесь побывала и другая руководительница «бегунства» Ирина Федорова. Связи Топозера с «бегунством» сохраняются и в первые десятилетия XIX века. В 20—30-е годы около 15 лет здесь и в каком-то ските, недалеко от финляндской границы, провел другой известный бегун — Никита Семенов Киселев (Меркурий).

По словам И. Прушакевича, 1800—1845 годы были временем особенного расцвета скита. Известно, что в начале XIX века здесь проживало до 200 человек¹. В 1840 году на о-ве Жилом насчитывалось более 40 домов, в которых обитало более 120 человек. В 1830 году при «большаке» Илье остров был обнесен высокой бревенчатой оградой наподобие «городка» или «крепостицы»². Пожертвования поступали сюда из Москвы, Петербурга, Риги, Казани и т. д. По этому поводу И. Прушакевич замечает: «О способах приобретения денег как большак, т. е. настоятель, так равно и старцы не любопытствовали узнать, не спрашивали также у вновь являющихся скитальцев паспортов, по правилам секты, а свободно принимали в число братьев всех незнатных под именем людей божиих, кои обыкновенно были: беглые дворовые и крепостные люди, солдаты, рекруты, Архангельской и Олонецкой губерний корелы, также мещане, преимущественно московские, словом, большею частью лица, им же не бысть спасения от руки правосудия, за чрезчур своеобразное поведение, во вред общественному благоустройству».

На Топозере начал свою деятельность и один из виднейших учеников и последователей Никиты Киселева Савва Александров, сыгравший заметную роль в распространении «бегунства» в Каргопольском уезде Олонецкой губ. и в ряде уездов Вологодской губ.³.

Как известно, во второй половине XIX века Каргопольский уезд был одним из районов активной деятельности «бегунов»⁴. Примечательно, что и в это время каргопольские «бегуны» считали Топозеро своей метрополией⁵. В 60—70-е годы их руководителем был Ермолай (Иван) Колобов по прозвищу «Топозер». По имеющимся сведениям, он около 20 лет провел на Топозере⁶.

Итак, значительность роли Топозера в истории «бегунства» не подлежит сомнению. Тем самым не только объясняется естественность приписывания авторства «Путешественника» выходцу с Топозера, но подтверждается роль «бегунов» в создании и распространении этого документа и устанавливается факт бытования беловодской легенды на территории б. Олонецкой губ.

¹ Березкин. Сборная книжка Топозерского раскольничьего скита. «Олонецкие епархиальные ведомости», 1898, № 5, стр. 22.

² Ив. Прушакевич, указ. заметка.

³ «Отсюда именно лет 50 тому назад вышел распространитель скрытнической веры, в бегах омуничивший солдат с монетного двора Савва Александров». — Березкин, указ. заметка.

⁴ К. А. Докучаев. Странническая секта в Каргопольских пределах Олонецкой губ. «Истина», 1878, кн. 59, стр. 1—32; Д. В. Островский. Каргопольские «бегуны» (краткий исторический очерк). Петрозаводск, 1900; К. Плотников. Раскол в Олонецкой епархии. «Олонецкие епархиальные ведомости», 1898, № 12.

⁵ Березкин, указ. заметка.

⁶ К. И. Казанский. О расколе в Троицком приходе. «Олонецкие епархиальные ведомости», 1900, № 2, стр. 46.

Автор, поп-миссионер, пишет: «Почти все главные расколуучители Троицкого прихода воспитывались и образовывались в Топозере, откуда и вынесли сильное ожесточение против святой православной церкви».

Все это, разумеется, не значит, что именно здесь, в Карелии, и возникла легенда о Беловодии, однако важно отметить, что она здесь была известна и, вероятно, популярна. По крайней мере, несомненна роль Топозера в ее развитии и сложении севернорусской редакции «Путешественника».

«Путешественник», подробно описывая путь в Беловодье, вместе с тем сообщает краткие, но необходимые сведения об этой легендарной стране и стремится убедить читателей отправиться на ее поиски, ссылаясь на пример Марка и его спутников, сумевших достичь Беловодья. Имея в виду легендарность Беловодья, мы, разумеется, меньше всего можем ожидать подробного описания ее государственного, политического, религиозного, общинного и семейного устройства как, например, в «Утопии» Томаса Мора. Стихийная политическая мысль крестьянства никогда не поднималась до высот политического предвидения, никогда без постороннего воздействия не формировалась в более или менее четкую политическую концепцию. Неопределенность и негативность политического идеала была характерна даже для наиболее выдающихся крестьянских движений, выдвигавших своих вождей и пытавшихся устно и письменно формулировать свои требования. Вспомним движения, возглавленные С. Разиным, К. Булавиным, Е. Пугачевым. Участники их, исполненные решимости расправиться с непосредственными виновниками их несчастий, проявляли удивительную недальновидность, когда на очередь вставали общегосударственные задачи. Многие из них не были уверены в том, что им надо идти на Москву, и мало думали о том, как устроить государство, если власть окажется в их руках¹.

Не случайно и в «Путешественнике» рассказ о Беловодье выливается в некую общую формулу — негативную и условную по своей природе.

Расположена Беловодия за высокими горами на краю земли; по сведениям, сообщаемым первой и второй редакциями, — на берегу «окияна-моря»; по сведениям третьей редакции — за морем («двенадцать суток ходу морем и три дня голодной степью»). По спискам первой и второй редакций жители Беловодии живут на 70 больших островах, «а малых и исчислить невозможно»; в третьей редакции об островах прямо не говорится, но и здесь Беловодия мыслится как страна, отделенная морем.

Островное положение легендарной страны не случайно. Остров — «географическое и, вместе с тем, поэтическое выражение идеи отдаленности и отъединенности, независимости от ненавистной действительности феодально-крепостнической России, жизни за пределами государства. Поэтический образ страны благополучия, расположенной на острове, свойственен фольклору многих народов и генетически восходит, вероятно, к представлениям об острове, на который переселяются души умерших предков, либо, первоначально — к представлению о параллельном существовании двух, трех и более миров, которые эпизодически сообщаются друг с другом². В дальнейшем своем развитии представление об острове — другом мире — в ряде случаев дает материал как для поэтиче-

¹ Ср., например, характернейший факт, сообщаемый Есиповым: бунтовавший в Астрахани Степка Москвитянин на допросе признал, что он призывал идти на Москву и убить «подмененного царя», — «а убив царя, что было чинить, о том разговора не было». — Г. Есипов. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дела Преображенского приказа и тайной разыскных дел канцелярии. Т. II, СПб., 1863, стр. 103—104.

² Ср. J. Z e m m e r i c h. Toteninseln und verwandte geographische Mythen. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der philisophischen Doctorwürde an der Universität. Leipzig, 1891, 285.

В новейшее время см.: В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, в гл. «За тридевять земель» см. разделы «Тридешатое царство в сказке» и «Тот свет», стр. 260—270.

ского оформления социально-утопических легенд, так и для изложения социально-утопических учений (ср.: Венета, Офир, Туле, Рунгхольд, Атлантида, вплоть до «Острова Утопии» Мора и «Острова солнца» Кампанеллы и т. д.)¹. Поэтический образ острова — территории, выключенной из сферы действия дурных социальных закономерностей, получил в процессе исторической жизни народа эпизодические подтверждения, способствовавшие закреплению его в сознании народа (Запорожская сечь, расположенная на о-ве Хортица, монастырь на Соловецких островах — первый опорный пункт старообрядчества, поселение казаков-некрасовцев на о-ве Майносе, «бегунский» скит на о-ве Жилом на Топ-озере и т. д.).

«Путешественник» подчеркивает, что жители Беловодии «в землю свою никого не пускают». Эта формула нуждается в некотором пояснении. Очевидно, речь идет вовсе не о тех, к кому обращен «Путешественник» и кого он призывает отправиться в путь и обязательно разыскать чудесную страну, — их в Беловодию, несомненно, пустят. Беловодье запрещено для тех, кто хотел бы нарушить беловодские порядки и беловодское благополучие — царских чиновников, полицейских, судей, попов.

Особенно кратко и выразительно формулируют свое отношение к общественному устройству Беловодья списки второй редакции «Путешественника»: «А тамо антихрист не может быть и не будет», т. е. не будет всего, что есть в России — царя, армии, помещиков, податей и поборов, чиновников, паспортов и денег с антихристовой печатью, никонианских попов и т. д. Более того, там вообще нет никакой светской власти, вообще никакой государственной организации («светского суда не имеют» — МП-1, ИРЛИ-2 и ИРЛИ-3; «светского суда у них несть»² — ИРЛИ-1). Единственное, что там есть — это «духовные власти», которые мыслятся, видимо, во вполне идеализированных и демократических формах (см. в третьей редакции: «и все служат они босы»). Это не значит, что автор «Путешественника», его читатели и распространители мечтали о теократическом, клерикальном государстве. Беловодье рисовалось им как государство без государственной организации, как союз мелких, равных производителей без какой-либо власти, стоящей над ними. Такое устройство представлялось гарантией от всякой «татбы», «воровства», и «пакостей» или чего-либо «противного закону», т. е. всякого гнета, насилия и государственно организованного грабежа. Духовенство, причем не официальное «великороссийское» и «никонианское», а свое, старообрядческое, не имеющее отношения к антихристу — российским феодально-крепостническим порядкам, а сохраняющее «древнее благочестие» и ведущее свою линию от каких-то восточных ветвей православия, сохранивших свою чистоту, разумеется, было обязательным элементом крестьянской социальной утопии, целиком средневековой по своей природе и своему характеру. Ведь и все Беловодье мыслилось как страна, в которой живут по «божецкому закону».

Еще М. Н. Сперанский отмечал: «Если в «Сказании об Индийском царстве», описывающем государственное могущество и колоссальное богатство Индии, как черта оригинальная отмечается, что Иоанн (т. е. пресвитер Иоанн — властитель Индийского царства. — К. Ч.) — «до обеда поп, а по обеде царь», то у Марка находим только общую фразу: «Свет-

¹ Обзор близких легенд (при ином понимании их социальной природы и содержания) см. Richard Henning. Von Rätselhaften Ländern. München, 1925. Из работ на русском языке см. Грановский. Волин, Иомбург и Винета. Историческое исследование. Соч., т. I, М., 1892, стр. 182—236 и др.

² Ср. севернорусский термин «судьи неправосудные», означающий вообще всяких чиновников. См. К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова, Петрозаводск, 1955, стр. 177—201 и др.

ского суда не имеют, управляют народы и всех людей духовные власти». Там — совмещение духовной и светской юриспруденции, здесь — замена второй через первую¹: «асирский» — только патриарх². Кроме того, следует напомнить, что «бегунам» вообще не свойственны были теократические устремления. Даже во внутреннем устройстве секты сказалась их глубокая неприязнь ко всякой, в том числе и духовной власти. Известно, что в 1863 году Н. С. Киселев, о котором мы уже неоднократно упоминали, написал свои «Статьи» — своеобразный документ, едва не приведший к расколу секты. Киселев предлагал создать стройную систему управления с безусловным подчинением центральному руководителю и руководителям «стран», на которые предлагалось разбить секту. Однако этот проект на большом Нижнетагильском соборе 1864 года принят не был и секта осталась анархической организацией, какой она была с момента своего возникновения. Правда, в ее составе наметилось своеобразное течение «статейников», тяготевших к внутреннему благоустройству секты³.

Беловодье не знает войны («и войны ни с кем не имеют»), следовательно, не знает солдатчины и рекрутчины и, тем не менее, беловодские жители «никого к себе не пускают». Этому явному противоречию «Путешественник» находит своеобразное объяснение: так возможно потому, что «отдаленная их страна». В этом сказались наивное и трагическое по своей неосуществимости стремление уйти так далеко, чтобы не знать ни властей, ни гнета, ни войн, ни православных попов, лишаящих даже возможности «спасения».

Характерно, что Беловодье мыслится как страна, заселенная выходцами из западных стран и из России, которые бежали от религиозных преследований; одни — от папы (народы «сирского языка»), другие — от «никониан» (народы «российского языка») и устроили там жизнь максимально разумно. В одном списке, опубликованном А. П. Шаповым, говорится: «от пана гонимы из своея земли». Можно было бы предположить, что переписчик или сам Шапов ошиблись, тем более что в списке ГИМ читается в той же позиции: «от папы римского гонимы были из своей земли». Однако и сама эта ошибка, если она только не принадлежит Шапову, могла быть не случайной. Сравни в песне «бегунов»: «Убежали мы на волю от худого господина...»

Но какие бы причины бегства из «своея земли» не выставлялись (для «бегунов» это были всего лишь разные проявления все того же «антихриста»), читателям «Путешественника» было важно то, что жители Беловодья исполнили завет «бегства», соблюли заповедь «изыдите из среды нечестивых и не прикасайтесь им» — это именно и подчеркивается в «Путешественнике» в словах, которые приписываются жителям Беловодья, сурово оценивающим российские порядки («Вы все осквернились» и т. д.).

Беловодье расположено у «окияна-моря» на 70 островах, оно покрыто густым вековым лесом («Тамо древа равные с высочайшими древами» — МП-1; «Тамо древа с высочайшими горами ровняются» — ИРЛИ-1 и ИРЛИ-2). Климат рисуется своеобразно: «Во время зимы морозы бывают необычайные с рассединами земными» (ср. разночтения ИРЛИ-1, 2 и 3). Думается, что представление об утопической стране благоденствия, как о стране, покрытой дремучими лесами, где стоят суровые морозные зимы, могло возникнуть только в сознании севернорус-

¹ Вернее было бы: отсутствие второй и наличие первой.

² М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве, стр. 438—439.

³ Пятницкий, стр. 75—80.

ского крестьянства. В списках второй редакции, происходящих, вероятно, из центральных или восточных губерний европейской части России, это место читается несколько иначе (ГИМ — «А тамо леса темныя, горы высокия, расселины каменные»; Щ. — «И во оном месте леса темные, горы высокие, расселины каменные»). О морозах здесь не говорится ни слова.

И, наконец, «Путешественник» говорит о плодородии земель и о богатстве жителей Беловодья, причем во всех известных нам списках эти мотивы выражены в характерных традиционных формулах: «А земные плоды всякия весьма изобильны бывают; родится виноград и сорочинское пшено¹ и другие сласти без числа, злата же и серебра и каменья драгого и бисеру зело много, ему же несть числа, яко и умом непостижимо» — (ИРЛИ-1, сходно 1 и 3).

В заключение анализа текста «Путешественника» отметим еще две характерные черты. Беловодье мыслилось, вероятно, сельской, крестьянской страной. (Б. — «Есть и люди и селения большие... А за рекой другое село»; «Однако есть там и города». — ИРЛИ-1 — Скитай (?); МП-1 — Кабан).

Многие, писавшие в прошлом о старообрядцах, изображали их прежде всего ревнителями национальной старины, отвергавшими как все западное, так и все греческое. Заметим, что автору «Путешественника» это вовсе не свойственно. Чудесную страну Беловодье населяют не только выходцы из России, но и некие выходцы из каких-то других западных и восточных стран, говорящие на «сирском языке» и «апонцы» и, по-видимому, китайцы. Их объединяет отсутствие светских властей, армии, войн, плодородие и богатство страны и, конечно, «древнее благочестие».

Остается еще один важный вопрос, связанный с текстом «Путешественника» и до сих пор не разъясненный. Маршрут, который рекомендуется избрать, начинается у Москвы, Казани и Екатеринбурга и теряется где-то в легендарных даях Беловодья. Где же здесь кончаются реальные представления, где и как осуществляется этот переход от реального к легендарному?

Следуя за маршрутом через Казань, Екатеринбург, Тюмень до Бийска и потом вверх по р. Катунь, мы вступаем в б. Горноалтайский округ. Здесь обнаруживаются некоторые расхождения и неясности. Списки первой редакции (ИРЛИ-1, 2, 3) дальше говорят о Красноуе, который не отыскивается на доступных нам картах юго-западного Алтая. Список МП-1 называет после Каменногорска, Выбернума (?) и Избенска (?) Красноярск. Списки ГИМ и Щ. — Краснодар и Красный Яр. Единственный список сибирского и даже, точнее, алтайского происхождения (Б.) после Бийска советует двигаться по Смоленской волости. Что же из всего этого соответствует реальной топографии Алтая? Прежде всего нужно отвести Краснодар, возникший здесь по простому созвучию, и Красноярск, стоящий вне дальнейшего пути на р. Енисее. На карте Алтая отыскивается несколько близких названий — д. Красный Яр на р. Каменке между Бийском и с. Смоленским и д. Красноярка, стоящая в предгорьях Тигрецкого хребта недалеко от Кумира — притока р. Чарыш, впадающей в Обь между Барнаулом и Бийском. Южнее этой деревни, но тоже с восточной стороны Тигреcko-Коксуйского хребта, течет р. Красноярка — приток р. Коксу, впадающей в Катунь. Вероятнее всего «Путешественник» изначально имел в виду Красный Яр Смоленской волости, так как именно о Смоленской волости говорится в списке третьей

¹ Сорочинское пшено, т. е. сарацинское пшено — рис.

редакции¹. Кроме того, если иметь в виду д. Красноярку Тигрецкую, то становится непонятным, зачем вслед за этим надо переходить Тигрецкий хребет на восток для того, чтобы, достигнув д. Устьубы, которую называют все списки, снова через какой-то из Тигреcko-Коксуйских перевалов двигаться на восток до Уймона (Уйменской, Умойской и т. д.), расположенного в долине верхнего течения Катунь, вместо того, чтобы из Красноярки прямо направиться на Уймон. Если же принять смоленский вариант, то можно предположить, что двигаясь через Красный Яр и с. Смоленское, желавшие достичь Беловодья обходили Алтайские горы с севера и запада и шли этим путем до д. Устьубы, расположенной при впадении р. Убы в Иртыш. После этого они, вероятно, двигались по долине р. Убы или какого-нибудь из ее притоков и переваливали через Тигреcko-Коксуйский хребет с запада на восток, чтобы затем по долине р. Коксу и Катунь достичь Уймона.

Можно предположить и иной способ преодоления западного Алтая: по Иртышу через Усть-Каменогорск (который, кстати говоря, называется в списке МП-1) до Усть-Бухтармы и затем Бухтарминской долиной и через какой-нибудь из перевалов Катунского хребта до Уймона. Такой путь кажется особенно вероятным. Бухтарминская долина сыграла, как увидим, совершенно исключительную роль в развитии беловодской легенды. Известно также, что на Уймон русские поселенцы пришли именно через Бухтарму. В пользу «смоленского» варианта говорит и то, что в «Путешественнике» о снеговых горах, простирающихся на 300 верст, говорится не после Красного Яра, а после Устьубы, что при обходе Алтая с северо-запада вполне естественно.

Итак, маршрут «Путешественника» приводит нас через Бийск в б. Горноалтайский округ, в Бухтарминскую и Уймонскую долины. Именно здесь начинается легендарная часть маршрута — неведомыми горными проходами в «Китайское государство» и после 44 дней пути — Беловодье.

В этой части маршрута географические названия либо не фигурируют вовсе, либо передаются в звучаниях, представляющих одну загадку за другой: МП-1 — «Губань» (Гоби?); ИРЛИ-1 — Бурат-река; ИРЛИ-2 и 3 — Буран-река (ср. Буран на Черном Иртыше вполпути от оз. Маркоколь к оз. Зайсан, которые были излюбленными местами рыбной ловли бухтарминцев в XIX веке и перевал Бурхат у поста Чингистай между хребтами Сарымсақты и Тарбагатай); ГИМ — Кукания (Куканский хребет, прикрывающий с запада среднее течение Амура?); Ш. — Кижиская земля (р. Кизи-Хем, приток Б. Енисея, относительно близкий к Бухтарме и Уймону или д. Кизи за оз. Байкал около Петровска Забайкальского? Ср. также самоназвание алтайцев — «алтай-кижи»); здесь же, в списке Ш. — оз. Лове (оз. Лобнор, на котором Пржевальский обнаружил русское старообрядческое поселение?).²

¹ Ср. цитировавшееся уже свидетельство Д. П. Беликова о разговоре крестьян в д. Каянчи в 1839 году о маршрутах в Беловодье: „По словам грамотного Змаковского, в маршрутах было написано, что на Беловодье нужно идти Бийским округом через д. Красноярскую, Сетовскую, Усть-Убинскую и т. д.“ Здесь вслед за Красноярской называется д. Сетовская или Сетовка, стоящая так же, как и Красный Яр, на р. Каменке примерно в 10 км от него.

² Кстати, заметим, что списки первой и второй редакций перед Устьубой (Юстьуба — ГИМ; Устьуба — Ш.) называют д. Ай (ГИМ) или Ака (Ш.). Вероятно, здесь имелась в виду д. Ая на Катунь вблизи современного Горноалтайска. В списке Ш. Уймонская переименована в Дамасскую, и алтайская Ая в библейское Акка (Левант). О Лобноре см. Н. М. Пржевальский. Четвертое путешествие в центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб., 1888, стр. 317—319. В 1860 году на Лобноре жило около 100 русских старообрядцев. В 1861 году они были выселены отсюда китайскими властями. Дальнейшая судьба их неизвестна.

Для правильного понимания легенды важно отметить, что маршрут «Путешественника» до Бийска совпадает с одним из традиционных в XIX веке направлений переселенческого движения из северной и средней части европейской России в Сибирь: Казань — Екатеринбург — Тюмень — Бийск¹. Именно по этому пути, отнимавшему, как свидетельствует С. Л. Чудновский, от 6 до 18 недель, катился все нараставший с 60-х годов поток переселенцев на Алтай и в другие районы Сибири. Так, с 1866 по 1877 год здесь прошло около 8 тысяч официальных переселенцев в Алтайский округ, а в 1882—1884 годах их было уже более 58 тысяч. В этом потоке около 20 % составляли крестьяне северных губерний Европейской части России². В 1887 году один из лучших знатоков истории переселений в Сибирь И. А. Гуревич писал: «Из небольшой, еле пробивающейся струи, оно (т. е. движение переселенцев.— К. Ч.) вдруг стало широкой рекой, захватывающей на своем течении все новые и новые волны народа³. Следовательно, «Путешественник», как и вся беловодская легенда, явился своеобразным поэтическим отражением этого процесса в сознании определенной части русского крестьянства.

Лучшим доказательством популярности беловодской легенды и одновременно важным источником изучения ее содержания и смысла является длительная история поисков Беловодья крестьянами — выходцами из различных губерний, зарегистрированная в официальных документах, судебных архивах, воспоминаниях современников и участников поисков и сообщениях периодической печати.

Первая сводка сведений о поисках Беловодья была произведена Мельниковым-Печерским в цитировавшемся уже примечании к «Очеркам поповщины»⁴. Наиболее полное и систематическое обозрение крестьянских путешествий в Беловодье принадлежит Д. Н. Беликову⁵. Но Д. Н. Беликов, опиравшийся, в основном, на Томский губернский архив и архив Томской губернской консистории, пропустил факты, не касавшиеся Томской губ.

Как мы уже говорили, первое свидетельство о беловодской легенде, зафиксированное в официальном документе 1807 года, отмечено Н. Варадиновым в VIII (дополнительном) томе «Истории Министерства внутренних дел». Бобылев, явившийся в Министерство, очевидно, сам не пытался искать Беловодье, однако он, вероятно, не только знал легенду, но и слышал о ранних попытках разыскать легендарную страну, которые могли осуществляться уже в конце XVIII — начале XIX века.

В пересказе Н. Варадинова можно отметить и моменты, совпадающие с известными нам списками «Путешественника», — Беловодье лежит «на море», идти туда надо от «Бухтарминской волости через китайскую границу», его жители бежали из России после подавления Соловецкого восстания, там есть епископы и попы, сохранившие древнее «благочестие».

¹ С. Л. Чудновский. Переселенческое дело на Алтае. Статистико-экономический очерк. Зап. Вост.-Сиб. отд. РГО по отд. статистики, т. I, вып. 1, Иркутск, 1889; А. Кауфман. Переселение и колонизация. СПб., 1905; И. Гуревич. Изучение крестьянских переселений в Сибирь. «Сибирский сборник». Кн. IV, стр. 117—137 и др.

² Чудновский, стр. 4—6.

³ И. А. Гуревич. Переселение крестьян в Сибирь. «Юридический вестник», 1887, № 1, стр. 81.

⁴ П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч., т. V. Изд. 2. 1909, стр. 23—25, примеч.

⁵ Беликов, стр. 139—155.

Первая документированная попытка искать Беловодье относится к 1825—1826 годам. По сведениям Е. Шмурло, который сослался на дело, хранившееся в архиве Семипалатинского областного управления, осенью 1826 года китайский караул на урочище Чингистай¹ сообщил русским властям о русских беглецах (38 человек, достигших оз. Канас) и просил вернуть их в пределы России. Последовал специальный «Всемилоостивейший манифест», прощавший беглецам их «вины» и призывавший возвратиться к местам прежнего жительства. Позже выяснилось, что партия состояла из 43 крестьян, приписанных к Колывано-Воскресенским заводам (среди них более 10 семей с детьми²).

По сведениям Д. Н. Беликова, изучавшего дело Томского губернского суда «О намерении некоторых крестьян Алтайской волости бежать в Беловодье», в этой попытке участвовали раскольники «поморского толка» из Бийских и Бухтарминских деревень во главе с Прокопием Мурзинцевым и Прокопием Огневим. Беглецы были оштрафованы, несмотря на царский манифест, по 31 руб. с каждого хозяина³.

В 1827 году на оз. Канас снова появилась партия беглых из 11 человек во главе с Федором Паламошневым, которая через некоторое время вернулась на русский Алтай для того, чтобы в 1828 году повторить свою попытку. По официальным сведениям на этот раз в побеге участвовало 10 семей заводских крестьян из двух Башалакских селений⁴ (57 человек), захвативших в дорогу все свое имущество; к ним присоединилось 29 крестьян из д. Чечулихи, Абайска, с Змеиногорского рудника и каких-то Бухтарминских селений. Партия была замечена по дороге на Уймон. Урядник пробовал просить содействия китайских пограничных постов. Допрос, учиненный беглецам (некоторых удалось задержать), выяснил, что они стремились к какому-то озеру — истоку р. Чульче, где надеялись найти «место изобильное для привольной жизни»⁵.

В конце 30-х годов в архиве Томского губернского правления откладываются документы о деятельности неких крестьян Земировых из алтайской д. Солнечной. Пересказ этих документов Д. Н. Беликовым не оставляет сомнения в принадлежности Земировых к «бегунам». В деле Земировых сохранилось изложение слухов о Беловодье: «Есть такая страна за границей, есть такая страна, где имеется 140 церквей и при них много епископов, которые по святости своей жизни и в морозы ходят босиком. Жизнь там беспечальная. Нет в той стране никаких повинностей и податей, в хозяйственных надобностях во всем там приволье. Главное же, сберегается и процветает на Беловодье святая, ничем не омраченная вера со всеми благодатными средствами спасения. Занесли туда сокровище истинной веры ревностные и благочестивые христиане, убежавшие от гонений еретика Никона»⁶.

¹ Пост Чингистай на левом берегу р. Бухтармы у перевала Бурхат.

² Е. Шмурло. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе. „Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО“, кн. XXV, гл. V, 1898, стр. 17—23 (в дальнейшем: Шмурло).

³ Беликов (стр. 140—141) сообщает, что в делах Томского губ. архива (св. 217) ему встретились описи дел Томского губернского суда, в которых упоминается о попытках побега крестьян за границу, относящихся к 1805, 1809, 1810 годам. Имеют ли эти побег отношения к беловодской легенде, установить не удалось. „Видимо, — пишет Д. Н. Беликов, — побег русских из Алтая за пограничную китайскую линию не были редкостью в начале XIX века“.

⁴ т. е. расположенных на р. Башалак, впадающей в Чарыш — левый приток Оби.

⁵ Шмурло, стр. 22—23

Здесь неясно, о какой Чульче идет речь: впадающей в Алаш, приток верхнего Енисея, или впадающей в Чулышман — реку бассейна Телецкого озера.

⁶ Архив Томского губернского правления, св. 733, № 595; цитируется по Беликову, стр. 141.

В следующем, 1839 году, сведения о беловодской легенде появились в официальных документах Нижегородской губ. «В декабре 1839 г.,— пишет П. И. Мельников-Печерский,— к семеновскому исправнику Граве представлен был бродяга, взятый в Поломских лесах, где жили и, вероятно, доселе живут в землянках раскольнические пустынножители, близ керженских скитов. На вопрос, кто он такой,— бродяга сказался поданным Японского государства и старообрядцем. Он уверял, что в Японии живет много русских людей — старообрядцев, что там много церквей старообрядческих, есть и архиереи старообрядческие и даже патриарх. Разумеется, все это было принято за сказку. Бродягу, как непомнящего родства (он так и сказался), сослали на поселение в Сибирь»¹.

К тому же 1839 году относится и уже цитированный разговор крестьян в алтайской д. Каянчи о маршрутах в Беловодье.

В 1838 и 1839 годах до слуха алтайского начальства непрерывно доходили сигналы о подготовке нового бегства в Беловодье. Д. Н. Беликов связывает это с попыткой переписать деревни Бухтарминской волости, предпринятой Барнаульским духовным правлением по указу Томской консистории. Известно, что бухтарминцы от переписи отказались².

Алтайское чиновничество принялось за очередное расследование «В самом начале расследований,— пишет Д. Н. Беликов,— староста д. Сибирячихи Телегин донес заседателю, что раскольники этой и окрестных деревень действительно что-то замышляют. Не говоря уже о том, что с некоторых пор начали являться в деревнях какие-то из дальних мест празднующиеся люди, многие из здешних обывателей забросили хозяйство и домоводство, тогда как прежде занимались всяким по крестьянскому обиходу делом, со всею решительностью сбывают куда-то вещи, по тяжести неудобные для дальней перевозки, откармливают лошадей и запасаются в больших количествах сухарями, приобретают ружья крупного калибра и, сверх того, ведут оживленные сношения с раскольниками Уймонов, чего прежде не бывало. Не собираются ли на Беловодье? — заключил староста»³.

Заседатель Немчинов и чиновник горного ведомства Уткин пытались что-то предпринять, вызвали жандармов и специальных следователей, но побег уже состоялся. В поисках Беловодья на этот раз участвовало до 300 человек из бухтарминских, уймонских, башелакских и других алтайских и приалтайских деревень. Возглавляли побег участники похода 1825 года Прокопий и Степан Огневы и Прокопий Мурзинцев. Через границу перебирались небольшими партиями. Одна из партий невдалеке от границы вступила в перестрелку с наспех наряженной погоней. После долгих скитаний беглецы вынуждены были обратиться к китайским властям г. Хамиля (Хами) в Гашуньской Гоби за много сотен километров от Алтая и были под конвоем приведены к границе — к Чингистайскому и Малонарымскому караулам. По дороге часть «беловодцев» во главе со Степаном Огневым убежала из-под стражи и направилась к Черному Иртышу, где беглецам удалось угнать у киргизов более 300 лошадей. Измученные и обнищавшие, они вернулись в свои села лишь в конце июня 1841 года. Вскоре выяснилось, что дома их ждут бесконечные судебные

¹ Мельников, стр. 24—25, примеч.

² Беликов, стр. 143—144.

³ Там же, стр. 145.

преследования и допросы, и Огневу, Мурзинцеву и другим пришлось уйти на много лет в горы¹.

Через 17 лет, в 1858 году, путешествие в Беловодье возглавили участники побега 1840—1841 годов Семен и Хрисанф Бобровы. Попытка отыскать Беловодье была снова неудачной. Бобровы в свои деревни не вернулись. Из допросных документов других участников побега известно, что Хрисанф Бобров сразу же после возвращения начал готовиться к следующему «опыту переселения». Как пишет Беликов: «он с силою утверждал, что неудачи не будет, ибо доподлинно узнал за границею место обширное, всем изобильное и называющееся Беловодьем.— Там земля хлебородна, много всякого зверья и рыбы, там можно молиться богу, не подвергаясь никаким мирским соблазнам, и можно отправлять богослужение по старым обрядам без всяких препятствий»².

По сведениям автора газетной информации из Минусинска Н. Путилова, в конце 50-х годов попытку искать Беловодье предприняла группа крестьян Тобольской губ. «В конце 50-х годов,— пишет Н. Путилов,— явилась в Ишимском округе Тобольской губернии какая-то темная личность, Фома Егорович, который начал там распространять странническое учение. Он приобрел себе до 100 семейств последователей, которых и повел в Бийский округ, обещая найти им Беловодье. Здесь некоторые разбрелись по тайгам; другие разбрелись по разным селениям, но большая часть поселилась в деревне Тайге. Этим однакож они не удовольствовались и настойчиво требовали от Фомы Егоровича, чтобы он вел их на Беловодье». Полиция преследовала бесфамильного Фому Егоровича, он бежал из Бийского округа в Челябинский уезд, но и там едва не был арестован. «Теперь,— заключает Н. Путилов,— здешние странники хотят переселиться к Владивостоку. Несколько раз и здесь сектанты пытались отыскать Беловодье. Одна партия ходила на восток, другая ходила на запад и достигла Ургончи (?) и даже была в Чугучаке, у верховья р. Иртыша»³.

К лету 1861 года Бобровым удалось собрать новую партию искателей Беловодья в 156 человек из деревень Солоновки, Корабиhi, Язовой, Беловой, Верх-Бухтарминской и с. Сенновского. Границы снова перешли отдельными группами. Сторожевые казачьи пикеты, заранее предупрежденные властями о готовящемся переходе через границу, и на этот раз не смогли удержать беглецов. Партия собралась воедино где-то в районе Черного Иртыша. Вел ее дальше Хрисанф Бобров, «не переставший утверждать, что знает в «Туркани» место правильное, где жить привольно, где нет никаких податей, нет священства и властей»⁴. «Путешествие» 1861 года было едва ли не самым длительным и трагическим. Одна группа участников побега после долгих скитаний решилась вернуться домой, но попала в плен к киргизам, другие смогли избежать плена и вернуться домой, основная же масса беглецов разбрелась по областям северо-восточного Китая и зазимовала около г. Урумчи, Кульджи,

¹ Беликов, стр. 145—148. «Дело Томского губернского суда о побеге инородцев Бухтарминской волости в китайские пределы». Архив Томского губернского управления, св. 403. Ср. здесь же стр. 74. О причинах поименования бухтарминских крестьян «инородцами» см. стр. 162.

² «Новое время», 1876, № 244. Сведения о стремлении ишимских крестьян искать Беловодье. См. также Беликов, стр. 75, где речь идет о фактах, относящихся к началу 50-х годов.

³ Беликов, стр. 149. «Дело Томского губернского суда о бухтарминских крестьянах, бежавших семьями за границу».

⁴ Там же, св. 1041. Кроме того, см. «Дело Канцелярии главного начальника Алтайских заводов», № 213; П р и н т ц. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости Томской губернии и поездка в их селения и в бухтарминский край в 1863 г. «Зап. РГО», т. 1, 1867, стр. 543—582; Ш м у р л о, стр. 1—64.

Холя, на р. Конче (Карым) и т. д. Весной часть из них снова собралась вместе и двинулась к р. Карачи, где, по словам Х. Боброва, и должно было находиться Беловодье. Однако, кроме солончаков, здесь ничего их не ожидало. Проредствовав некоторое время, беглецы пошли через Гурфан и Урумчи до р. Манас, снова раскололись и группами стали пробираться к русской границе. Сколько они еще пространствовали и когда Х. Бобров оставил свое намерение дойти до р. Карачи, куда от Туруфана было еще не менее 12 дней пути, достоверно неизвестно¹. Характерно, что неудача и на этот раз не заставила отказаться от веры в существование Беловодья. По словам А. Принтца, в 1863 году побывавшего в Бухтарме, беглецы были уверены, что не нашли заповедную страну потому, что от верховьев Черного Иртыша взяли слишком вправо, в то время как следовало идти левее и, миновав голую степь и два китайских города, они попали бы в Беловодье².

По сообщению Сибирской энциклопедии, в 1862 году в Усинский край явились в поисках Беловодья «бегуны» или «странники» из Ишимского и Ялуторовского округа Тобольской губ. и основали с. Верхне-Усинское³. Все тот же Хрисанф Бобров снова собирает искателей легендарного края и в 1869 году, т. е. через 29 лет после своего первого путешествия, отправляется в новое странствование.

Пройдя несколько монгольских областей, он добрался до р. Уст и нашел старообрядческое поселение, но тут же покинул его, узнав, что жители подчиняются русским властям. В пути он встретил научную экспедицию, в составе которой был русский консул в Кульдже Павлинов. Д. Н. Беликов пересказывает письмо Павлинова к бийскому исправнику от 28 мая 1870 года, из которого следует, что Хрисанф Бобров с товарищами за это время успел побывать в Хобдинском и Улясутайском округах Западной Монголии, на оз. Ике-Арал и Убсанор, переходил снежный хребет Танну-Ола, побывал у истоков Енисея и Кемчика. Препровождая Х. Боброва в Бийск, Павлинов просил не преследовать его, так как Бобров оказал большие услуги экспедиции своим рассказом о районах, в которых он бродил в поисках Беловодья⁴.

Последнее из алтайских известий о поисках Беловодья относится к 1888 году. По сведениям Е. Шмурло, на этот раз в побеге участвовало около 40 человек из с. Кабы, но они были возвращены местными властями до перехода через границу.⁵ Но еще и в 1903 году в предисловии к упоминавшемуся уже «Путешествию уральских казаков в «Беловодское царство» Г. Т. Хохлова В. Г. Короленко писал: «Некоторые из статистиков, исследовавших Алтайский округ, уже в последние годы сообщали пишущему эти строки, что и в настоящее время известны еще случаи этих

¹ Беликов, стр. 150—153.

² Принтц, стр. 578; Шмурло, стр. 24. А. Белослюдов. К истории «Беловодья». Зап. Зап.-Сиб. отд. РГО*, т. XXXVIII, 1916, стр. 32—35 (далее: Белослюдов).

В 1914—1915 годах А. Белослюдов записал от одного из участников похода 1861 года Ассона Зырянова (д. Беловая) подробный рассказ о злоключениях, пережитых беглецами. В 1861 году А. Зырянову было 12 лет, однако он хорошо помнил все обстоятельства путешествия и по просьбе А. Белослюдова смог даже составить карту похода. По мнению А. Зырянова, на этот раз «беловодцы» прошли не менее 5 тыс. верст. Принтц сообщает:

«Недавно еще появилась между инородцами (т. е. бухтарминцами, см. ниже историю заселения Бухтармы.— К. Ч.) молва о каком-то Белогорье, находящемся будто бы также в Китайской земле, в недалеком расстоянии от границы Енисейской губернии Минусинского округа». — Принтц, стр. 578. Разрядка моя.— К. Ч.

³ Сибирская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929, стр. 271, ст. «Беловодье».

⁴ Беликов. «Дело Томского губернского суда о бухтарминских крестьянах, бежавших за границу», св. 4041, № 4631.

⁵ Шмурло, стр. 24.

попыток проникнуть в Беловодию через таинственные хребты и пустыни Средней Азии. Некоторые из этих искателей возвращаются обратно, претерпев всякие бедствия, другие не возвращаются совсем. Нет сомнения, что эти «другие» погибают где-нибудь в Китае или в суровом, негостеприимном и недоступном для европейца Тибете. Но наивная молва объясняет это исчезновение иначе... По ее мнению эти пропавшие без вести остаются в счастливом Беловодском царстве. И это обстоятельство манит новых и новых мечтателей на опасности и на гибель»¹.

Предпринимались ли после 1903 года поиски Беловодья, связанные с районом Алтая, неизвестно. Этнографическая экспедиция 1927 года (Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова) слышала рассказы стариков о тайных побегах и встречала даже участников каких-то походов, датировать которые, по-видимому, было уже трудно. При этом, кроме походов в Китай и через Китай, упоминалось о попытках искать Беловодье в Афганистане и даже Индии. А. Белослюдову тоже, вероятно, рассказывали о каких-то походах после 1861 года. Он пишет: «Другие путешествия кончались почти тем же. Надежды найти Беловодье вдали рушились, но зато ходившие на Беловодье увидели привольные места вблизи, куда по возвращении и сбивали переселяться своих односельчан»². Здесь же А. Белослюдов замечает: «В настоящее время на Бухтарме уже не верят в существование Беловодья, хотя не редкость еще встретить старика, который, свято веря, расскажет вам, что на Беловодье, на море, на островах живут святые люди, что если попасть туда, то можно живьем сделаться святым и взойти на небо; добавит далее, что святых людей видели ходившие на Беловодье; святые люди верхом на конях по водам подъезжали к ним и звали, но кони ходившие на Беловодье, тонули и святые люди уезжали обратно»³. Белослюдов сообщает о новом для нас варианте легенды, в котором как и в легенде о р. Дарье, бытовавшей в середине XIX века, упоминается Константин: «Кроме этого, в верховьях Бухтармы рассказывали мне, что великий князь Константин Николаевич, увидя, что неправда на Руси царит, ушел на Беловодье, на острова, и увел туда сорок тысяч душ мужских и женских и что теперь народ живет там и податей не платит»⁴.

Вероятно, уже в эти годы легенда о Беловодье стала вытесняться преданиями о том, как его искали, но не нашли. Вместе с тем, вера в существование Беловодья была еще в какой-то мере жива. Так, Д. П. Зырянов, родственники которого принимали участие в походах, рассказывал собирателям в 1927 году: «Но немного им и осталось дойти-то. Дальше идет море глубокое, и на том берегу стоит крепость старинная, и живут в ней праведники, сохранившие веру истинную, бежавшие от бергальства⁵, от солдатства (ратники были). Попасть к ним можно, перейдя это море, а по морю вывешена дорога фертом⁶ лошади по брюхо, на одни сутки пути. Слух идет, что и сейчас живут они там и хранят древнее благочестие»⁷.

К 1898 году относится известная нам попытка уральских казаков отыскать «Беловодское царство», описанная в подробном дневнике участ-

¹ „Зап. РГО“, т. XXVIII, вып. 1, 1903, стр. 8.

² Белослюдов, стр. 34.

³ Там же, стр. 34—35.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Бергаль или бергауер (от нем. Berghäuer)— рудокоп.

⁶ т. е. вехами, но не по прямому направлению, а извилинами.

⁷ Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова. Кто такие бухтарминские старообрядцы. В сб.: „Бухтарминские старообрядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований“. Вып. 17. Л., 1930, стр. 39—40.

ника поездки, казака Г. Т. Хохлова с предисловием В. Г. Короленко¹.

Поездка уральских казаков, длившаяся около пяти месяцев (с 22 мая до 24 октября 1898 года) связана не только с поисками Беловодья, но и со стремлением проверить достоверность грамот некоего Аркадия, выдававшего себя за епископа, поставленного в Беловодье. Впрочем, на первой же странице своего дневника Г. Т. Хохлов пересказывает «Путешественник» Марка Топозерского и напоминает о попытке искать Беловодье, предпринятой уральскими казаками еще до появления самозванного Аркадия. Еще в 60-е годы уральские «никудышники» (т. е. беспоповцы) под влиянием «Путешественника», как он пишет, «составляли несколько съездов, на которых совещались для отправления депутации в восточные края»². Наконец, вероятно, в начале 70-х годов³ казак Головского поселка Варсонофий Барышников с двумя товарищами решил предпринять попытку проникнуть в Беловодье морским путем, однако, достигнув Бомбея, вернулся назад.

После появления в севернорусских губерниях Аркадия «Беловодского» уральцы пытались узнать от него, «какими путями выехал он из Беловодья в Россию»⁴. Однако Аркадий, как пишет Г. Т. Хохлов, «уклонялся открыть свой путь и местонахождение Беловодии»⁵. В 1898 году уральцы собрали 2500 руб. и снарядили трех казаков: О. В. Барышникова (вероятно, сын Варсонофия Барышникова, пытавшегося искать Беловодье в начале 70-х годов), В. Д. Максимычева и Г. Т. Хохлова. Им пришлось совершить длительное путешествие по маршруту: Одесса — Константинополь — Сан-Стефано — Афон — Смирна — о-в Патмос — Родос — о-в Кипр — Бейрут — Сидон — Тир — Акра — Кяфа — Яффа — Иерусалим — Порт Саид — Суэцкий канал — о-в Цейлон (Коломбо) — о-ва Суматра — Сингапур — Сайгон — Гонконг — Шанхай — Нагасаки — Владивосток — Хабаровск — Чита — Иркутск — Красноярск — Кинель — Новосергиево.

Беловодье, конечно, и на этот раз найдено не было и вера в его существование, судя по дневнику Г. Т. Хохлова, была сильно подорвана⁶. Впрочем, в 1903 году уральцы предприняли поездку в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому. Г. Т. Хохлов писал по этому поводу В. Г. Короленко: «У нас на Урале сложилась целая легенда. Говорят, что он будто бы ездил за границу, был в Беловодии, присоединился там и принял какой-то сан». Л. Н. Толстой, понятно, разочаровал посетивших его казаков⁷.

¹ В 1902 году В. Г. Короленко напечатал в журнале «Русское богатство» очерк «У казаков», в котором впервые упомянул о «беловодском» путешествии уральских казаков. По сообщению В. Г. Короленко, о путешествии раньше писал один из его участников — В. Д. Максимычев «на страницах местной газеты». Статья В. Д. Максимычева «была издана отдельной брошюрой, которую жадно покупало казачье население». В. Г. Короленко. У казаков (из летней поездки на Урал). — Полн. собр. соч. т. VI. СПб., 1914, стр. 174. К сожалению, нам, так же, как В. Г. Короленко, не удалось разыскать ни брошюру В. Д. Максимычева, ни статью его. Орывок из дневника Г. Т. Хохлова был перепечатан в кн.: «Старая вера». М., 1914.

² Хохлов, стр. 13.

³ Как следует из изложения, это произошло после открытия Суэцкого канала, состоявшегося 17 ноября 1869 года.

⁴ Хохлов, стр. 14.

⁵ Там же, стр. 14.

⁶ См., например, на стр. 80: «Впрочем, больной человек верит всякой деревенской бабке, только бы получить поскорее здоровье». В феврале 1899 года более 300 уральцев собрались в одной из станиц, чтобы послушать рассказ Г. Т. Хохлова и его товарищей об их путешествии в Беловодию. См. Чельцов, 1904, стр. 27.

⁷ Чельцов, стр. 29—31; В. Г. Короленко. Полн. собр. соч., т. X. М., 1956, стр. 320, 329, 342, 365, 385 и др.; «Былое» 1925, № 3 (31), стр. 110 (письмо Л. Н. Толстого к В. Г. Короленко).

Попытка уральцев, лучше знакомых с географией, чем сибирские и севернорусские «беловодцы», и посещение ими Л. Н. Толстого составили новый и, вместе с тем, последний этап долгой и трагической истории поисков чудесного Беловодья¹. Политическая и географическая наивность определенной части крестьянских масс явно уходила в прошлое. Приближалась русско-японская война, сделавшая невозможной толки о Беловодье — «Опоньском царстве», а за ней революция 1905—1907 годов, свидетельствующая о том, что подавляющее большинство крестьянства становится на путь активной борьбы с помещичье-капиталистическим строем старой России. Мечтания о Беловодье и трогательные, но бессмысленные поиски его становятся достоянием истории, изживающимся наследием средневекового мышления русского мужика, создавшего эту социально-религиозную утопию.

Мы уже дважды упоминали об Аркадии Беловодском. Деятельность этого проходимца², спекулировавшего на крестьянской вере в существование Беловодья и выдававшего себя за епископа «беловодского поставления», интересна не сама по себе, а как свидетельство распространения легенды в 70—90-е годы XIX века, ее выхода далеко за пределы секты «бегунов» (нет никаких свидетельств о каких бы то ни было связях Аркадия с «бегунами»). Аркадий сравнительно удачно подвизался в ряде севернорусских и центрально-русских губерний, что было бы немислимо, если бы его сторонникам была ранее неизвестна беловодская легенда.

Аркадий впервые объявился в 1869 году. В августе этого года он был арестован в д. Батуриной в 25 верстах от г. Томска за то, что назвал себя «беловодским архиепископом». Затем сведения о нем долго не появлялись. Только в 1880 году в журнале «Истина» было опубликовано его письмо к некоему Л. И. Масленникову из г. Режицы Витебской губ.³ В 1881 году известия о нем эпизодически появляются на страницах периодической печати⁴. В это время Аркадий был где-то в Тверской губ. (Осташков и др.), побывал в губерниях Пермской, Вятской, Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Петербургской, Московской, Оренбургской и др.⁵. В 1885 году полиция после долгих поисков настигла его, наконец, в г. Бугульме (Пермская губ.). Началось долгое следствие, Аркадий называл себя разными фамилиями, пока, наконец, не была выяснена подлинная (А. С. Пигулевский). Выяснилось, что он прежде уже арестовывался по каким-то уголовным обвинениям. Несмотря на все это, правительство сочло возможным, оштрафовав Пигулевского Аркадия на 100 руб., выпустить его на свободу с учреждением за ним полицейского надзора. Вероятно считалось полезным, чтобы Арка-

¹ Слухи о казачьем путешествии в Беловодье быстро проникли и в севернорусские губернии. В 1903 году Е. Ляцкого спрашивали в Усть-Цыльме, не слышал ли он, не удалось ли казакам найти Беловодское царство. — Евг. Ляцкий. Поездка на Печору. Из путевых заметок. «Вестник Европы», 1904, № 12, стр. 715—716.

² Об Аркадии Беловодском см.: И. Т. Никитин. К истории Славяно-Беловодской иерархии. Самара, 1891, 43 стр. (извлечение из «Самарских епархиальных ведомостей», 1891, № 10 и 11); «Истина», 1880, № 69, стр. 38—40; «Современные известия», 1881, № 246; «Православный собеседник», 1881, ч. III, стр. 345—346; «Церковные ведомости», 1889, № 24, стр. 686—688; «Братское слово», 1890, т. II, стр. 648—655; «Христианское чтение», 1890, т. II, стр. 689—694; Г. Т. Хохлов. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». «Зап. РГО», т. XXVIII, вып. I, 1903, стр. 14—16, 71, 77 и др. См. также сообщения в «Пермских губернских ведомостях», 1899, № 246, 247, 252, 253, 278.

³ «Истина», 1880, № 69, стр. 38—40.

⁴ «Современные известия», 1881, № 246; «Православный собеседник», 1881, ч. III, стр. 345—346 и др.

⁵ См., например, статью «Самозванец — архиерей в Пустозерском». — «Архангельские губернские ведомости», 1875, № 101.

дий вносил споры и сумятицу в староверческую среду, конкурировал с попами так называемой «белокриницкой иерархии» и ослаблял ее. После ареста в 1885—1886 году Аркадий продолжает кочевать по севернорусским и приуральским губерниям, полемизировать с «австрийским согласием», «ставить» попов, писать догматические и обличительные сочинения. Для убедительности он сфабриковал «ставленные грамоты» в краткой и пространной редакциях, показывал даже «подлинники» этих грамот, написанные на «сирском» языке, распространял послания о себе самом, в которых передает своеобразное «житие» с описанием путешествия в Беловодье, получения там чина и последующего возвращения в Россию¹. Путая географические названия², Аркадий утверждал, что Беловодья он достиг морским путем, а после возвращения в Россию жил некоторое время «в каргопольских пределах за Онегой рекой». Беловодье он называет «землей патагонов», говорит о том, что там царствует некий царь Григорий Владимирович с царицей Глафирой Иосифовной. Главный город—Трапезангунсик, «а по русски перевести значит Банкон». «А другой их же столичный город—Гридабад». В Трапезангунсике—Банконе 700 тыс. жителей и 300 церквей, один патриарх (Мелетий) и четыре митрополита «сирского языка». На всем же острове 2700 тыс. жителей (из них 500 тыс. русских выходцев) и 700 церквей. «Ересей и расколов, как в России, там нет. Воровства, обману и грабежу, убийства и лжи, и клеветы в христианах нет же, но во всех едино сердце и едина любовь».³ «Ставленные» грамоты были скреплены подписью «патриарха славяно-беловодского, камбайского, японского, индостанского, индийского, англо-индийского; Ост-Индии, Июст-Индии и Фест-Индии, и Африки, и Америки, и земли Хили и Магеланская земли и Бразилии и Абасинии»⁴. К грамотам, писанным полууставом, прилагался «подлинник» на «сирском языке». По свидетельству С. Луканина: «Это лист, написанный какими-то крючками, которые по отзыву экспертов, не заключают в себе никакого содержания, кроме набора зигзагов»⁵.

Из всего этого следует, что Аркадию была известна не только беловодская легенда, но и «Путешественник» Марка Топозерского. Зная о неудачах, постигавших партии беглецов, искавших Беловодье по «Путешественнику» (напомним, что первый раз Аркадий был арестован в Томской губ.), он выдвигает морской маршрут, в подражание которому морем отправились и уральские казаки. В отличие от легенды и «Путешественника» Аркадий говорит о беловодском царе, но сохраняет традиционное число высших духовных лиц «сирского» и русского языка.

Аркадий вовсе не был заинтересован в бегстве паствы в Беловодье, он брался «спасти» ее в России, куда якобы специально прислан,

¹ Впервые выдержки из них были опубликованы в „Церковных ведомостях“, 1889, № 24, стр. 687—688; позже: И. Т. Никифоровский. К материалам для характеристики современного раскола. Беловодская иерархия. „Христианское чтение“, 1890, т. II, № 11—12, стр. 689—694; И. Т. Никифоровский. К истории Славяно-Беловодской иерархии. Самара, 1891 (три ставленные грамоты и другие документы); С. А. Наймушин. Моя жизнь в расколе. Вятка, 1897; С. Луканин. Грамоты лжеархиепископа Аркадия. „Пермские губернские ведомости“, 1899, № 278 (по списку П. И. Нечаева); см. также послание Аркадия, сочиненное им самим.— Там же, № 247 и 253 и др.

² По свидетельству И. Т. Никифоровского, в 1885 году при аресте среди отобранных у Аркадия вещей был обнаружен старый учебник географии на французском языке, в котором были отчеркнуты названия, совпадающие с упомянутыми в грамотах.

³ „Пермские губернские ведомости“, 1899, № 253, стр. 2. Этот мотив сближает грамоту Аркадия не только с „Путешественником“, но и со „Сказанием об Индийском царстве“.

⁴ Там же, № 278, стр. 2.

⁵ Там же, стр. 3.

старался внушить читателям своего послания мысль о невозможности достижения этой страны простыми смертными. Он сам будто бы из княжеского рода Урусовых, снаряжал его и его отца «собор» из «30 генералов и князей и графов», которые вручили им при этом 10 млн. руб. и дали для сопровождения 13 человек. Аркадий буквально оглушает длинным перечнем стран, которые ему якобы довелось проехать. Как все это не похоже на пешее мужицкое путешествие из деревни в деревню, от странноприимца к странноприимцу, которое рисуется в «Путешественнике»! И, наконец, используя, главным образом, религиозную мотивировку легенды, он все же вынужден добавить почти по «Путешественнику»: «Воровства, обману и грабежу, убийства и лжи и клеветы в христианах нет же».

Несмотря на явный подлог и беззастенчивое вранье, Аркадий смог держаться почти 30 лет.¹ Все это свидетельствует о широкой популярности беловодской легенды среди русского крестьянства во второй половине XIX века.

Анализ маршрута, зафиксированного в списках «Путешественника», и изложение истории многочисленных попыток поисков Беловодья систематически приводили нас на Алтай, точнее, в Бухтарминскую и Уймонскую долины юго-восточного Алтая.²

Объяснение этого факта можно найти в своеобразной истории русских поселений этих двух алтайских долин³.

К середине XVIII века русская колонизация дошла в этом районе Сибири до северных предгорий Алтая. В 1723 году А. П. Демидов построил первые заводы у Синей Сопки; вслед за этим здесь был образован Колывано-Воскресенский округ и затем построена Колывано-Воскресенская оборонительная линия. Государственная граница считалась при этом проходящей от современного Усть-Каменогорска до Кузнецка. Через пять лет оборонительная линия была довольно сильно сдвинута на юг и стала проходить от Тигрецкого форпоста через Ново-Алейск, Усть-Убинск до Усть-Каменогорской на Иртыше. Еще при постройке Колыванской линии стало известно, что стихийная колонизация обогнала правительственные намерения. В 1748 году были задержаны пер-

¹ Австрийско-Московский епископ Антоний разыскал грамоту Аркадия, с помощью опытного начетчика Швецова проанализировал ее и разослал оттиснутое на гектографе специальное послание, обличающее «беловодского» архиепископа-самозванца. В 1881 году Аркадий обращался к Антонию и всерьез предлагал ему мирный компромисс и союз.

² Заметим, кстати, что о Бухтарме упоминает и Варадинов, пересказывая заявление, сделанное Бобылевым министру внутренних дел.

³ См. Ledebour. Reise durch Altaigebirge. Berlin, 1829—1830; Гуляев. Алтайские каменщики. «С.-Петербургские ведомости», 1845, № 20—30; Шмурло, стр. 1—64; Принтц, стр. 543—582; Н. М. Ядринцев. На обетованных землях. «Сибирский сборник», 1886, кн. II, стр. 36—43; его же. Раскольничьи общины на границе Китая. «Сибирский сборник», 1886, кн. I, стр. 21—47 (далее: Ядринцев); Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне — насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. Общий очерк за XVII и XVIII столетия. В кн.: «Научные очерки Томского края». Под общ. ред. проф. Н. Ф. Кашенко. Томск, 1898; Г. Д. Гребенщиков. Река Уба и убинские люди. «Алтайский сборник», 1912, вып. V; Б. Г. Герасимов. В долине Бухтармы. «Зап. Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отд. РГО», вып. V, 1911; его же. Поездка в южный Алтай. «Зап. Семипалатинского отд. РГО», вып. XVI, 1927, стр. 152; Бухтарминские старообрядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 17. Серия казахстанская. Л., Изд-во АН СССР, 1930.

вые беглецы, направлявшиеся в глубь Алтая. В 1761 году во время заготовки материалов за пределами «линии» для строительства Бухтарминской крепости воинская команда наткнулась на избушку, в которой жило двое русских. Однако поймать их не удалось, они ушли в горы. Примерно в те же годы стало выясняться, что в некоторых местах Алтая возникли целые деревни беглых крестьян, приписанных к Колывано-Воскресенским заводам, беглых крепостных и рекрутов из западных губерний, беглых ссыльных и беглых старообрядцев. Пересекая иногда (для обмена продуктами) официальную границу, они хранили в тайне существование своих деревень, опасаясь проникновения туда «начальства». Бухтарминская и Уймонская долины, в которых они поселились, оказались в эти десятилетия между государственными границами России и Китая на нейтральной территории, интереса к которой не проявляло ни одно, ни другое правительство, благодаря чему и оказалась возможной своеобразная тайная колонизация этих плодороднейших мест¹. По-видимому, уже к середине XVIII века Бухтарма и Уймон (ответвление той же Бухтарминской общины) приобретают своеобразную популярность среди сибирских крестьян. Несколько позже, возможно, к концу XVIII века, слухи о своеобразной мужицкой земле без чиновников и попов достигли и европейских губерний.² Более того, есть сведения о том, что во второй половине XVIII века именно эти две долины и назывались Беловодьем. Авторы, писавшие об этом, объясняют это своеобразным белым цветом р. Бухтармы, ее притоков и верхней Катунь, стекающих с ледников и снежных хребтов, либо белой пеной стремительных горных речек Алтая. Иногда вспоминается местное алтайское название снеговых гор — «белки» во главе с высочайшей из них, Белухой; притока Бухтармы — р. Белой, д. Белой или Беловой в долине Бухтармы и т. д. Однако такое объяснение не представляется верным.

Один из первых исследователей истории Бухтармы А. Принц писал: «До появления Колыванской и Кузнецкой линий вышеозначенные местности (т. е. весь горный Алтай, южнее этой линии.— К.Ч.) носили название Беловодия. Многие жители северо-восточных областей России по следам зверопромысловников приходили туда целыми обществами, одни, чтобы освободиться от своих обязанностей, другие, чтобы скрыться от наказаний...»³ После учреждения Колыванской и Кузнецкой линий, пишет он далее, «около потерял в народном мнении значение вольного». Когда в 1764 году была осуществлена третья ревизия, на этот раз коснувшаяся и сибирских крестьян, Беловодьем стали называть земли, никем не занятые, лежавшие за Колыванской и Кузнецкой линиями к юго-востоку, до китайских пределов»⁴. Того же мнения держатся Е. Шмурло и Н. Ядринцев и другие, побывавшие в середине и второй половине XIX века на южном Алтае, причем Е. Шмурло со всей определенностью пишет: «Беловодьем стали приволья Бухтарминского края»⁵.

К концу XVIII века бухтарминцы и уймонцы начинают испытывать непредвиденные трудности. С запада и юга к ним все ближе подходят «киргизы» (казахи), теснимые русской колонизацией Средней Азии. На южном побережье р. Бухтармы устанавливается китайский пограничный

¹ До 1756 года эта территория формально входила в состав Джунгарского царства, однако она и джунгарской администрацией не контролировалась.

² А. Михайлович. Русская колонизация горного Алтая. Тобольск, 1896, стр. 12.

³ Принц, стр. 546.

⁴ Т. е. южный Алтай, в состав которого входит Бухтарма и Уймон.

⁵ Шмурло, стр. 16.

пост Чингистай, прикрывающий перевал Бурхат. Плодородные долины Бухтармы и Уймоны постигает внезапный трехлетний неурожай, преодолеть который при хозяйственной изолированности бухтарминцев было крайне затруднительно. Все эти обстоятельства приводят к крушению идеи изолированной и вольной жизни на вольной земле. Бухтарминцев ожидала участь отдельных групп крестьян, поставивших себя вне государства и общественной системы феодализма (казачество, переселение на новые земли, скиты и «общежителства» в лесных дебрях, бегство на «ничейные» земли и за рубеж и т. п.), — возвращение в лоно государства (иногда с временным сохранением некоторых привилегий) и экономическое и социальное разложение, выделение кулацкой, военной или религиозной верхушки.

Бухтарминцы пытались обратиться к китайским властям с просьбой принять их под свою опеку. Этот шаг не следует оценивать как нечто антипатриотическое. Вероятно, бухтарминцы считали, что китайская администрация, мало заинтересованная в этом районе, не будет проявлять особенного административного рвения. Существовала традиция мирного и снисходительного отношения китайцев к бухтарминцам — с ними велся натуральный товарообмен, разрешалась рыбная ловля в оз. Зайсан и Маркоколь, принадлежавших Китаю и т. д. Еще во второй половине XIX века бухтарминцы говорили Н. Ядринцеву: «От китайца нам утеснения нет».¹ Это не значит, разумеется, что китайская феодальная администрация была много лучше русской. Китай действительно не был особенно заинтересован в захвате южного Алтая. Кроме того, китайские власти, видя в бухтарминцах выходцев из России, опасаясь конфликта с русским правительством, отказали им.

Пришлось через посредство горного начальства Колыванско-Воскресенского горного округа снестись с русским правительством. Нам неизвестно, как проходили переговоры и какие требования выставляли обе стороны, однако можно предположить, что бухтарминцы стремились обеспечить себе какие-то привилегии. Рескриптом Екатерины II от 15 сентября 1791 года² они были приняты в состав России и объявлены «ясашными инородцами», т. е. подданными с обязанностью платить ясак, но свободными от всех других повинностей, включая обязанность подчиняться присылаемой администрации, поставлять рекрутов и т. д. Екатерина пошла на столь парадоксальное решение вопроса (русские выходцы были объявлены инородцами!) для того, чтобы удержать за Россией южный Алтай, колонизированный мужиками без единого выстрела. Это был один из актов так называемого «мирного завоевания», не стоившего правительству ни денежных затрат, ни дипломатических усилий. С другой стороны, все это происходило достаточно далеко от центральных русских губерний. Правительство, по-видимому, рассчитывало, что такая поблжка беглым мужикам не скажется заметно на настроениях крепостной массы. Дальнейшая история показала, что оно ошиблось. Разумеется, Бухтарме не суждено было сыграть в русской истории такой заметной роли, какую сыграло в свое время казачество. Однако история ее все же оставила известный след в сознании русского крестьянства — она явилась почвой, питавшей беловодскую легенду, повлияла на ход переселенческого движения, сыграла определенную роль в развитии «бегунства».

¹ Ядринцев, I, стр. 25. Ср. в „Путешественнике“: „Аще китайцы были бы христиане, то ни едина душа не погибла“ (ГИМ, ср. III.).

² Иногда ошибочно указывается 1792 год. В это время Бухтарму населяло 318 человек — 250 мужчин и 68 женщин.

Следующий этап в истории Бухтармы длился почти столетие (1791—1878 годы). Бухтарминцы упорно отстаивали свое особое положение и свои привилегии, чиновничество же Томской губ. все менее и менее с ними считалось.

В цитированной статье Н. Ядринцев писал: «Из дальнейшей истории их известно, что они долго держались на стороне и не ладили с местным начальством, так что земская полиция боялась заезжать к ним. Они считались отчаянными и отстаивали свободу. Действительно, по рассказам путешественников, каменщики до последнего времени сохранили независимый и отважный характер».¹ Бухтарминцы стремились сохранить общинно-артельное управление, право на собственный суд². Правительство же то приписывало их к особой инородческой управе, то присылало исправников и заседателей (например, специального заседателя, который должен был препятствовать походам на Беловодье), то пытались устроить церковную перепись. Наконец, в 1878 году было решено ликвидировать все льготы бухтарминцев, зачислить их в общий крестьянский оклад, брать рекрутов и т. д.³

Бухтарминцы иногда отвечали открытым сопротивлением или неподчинением, но чаще побегами в горы, беспрестанными поисками Беловодья. Изменение порядков в Бухтарме, нараставшая неудовлетворенность бухтарминцев (несмотря на то, что по общему мнению посещавших их край в середине и второй половине XIX века они жили значительно лучше крестьян большинства районов Сибири и, тем более, губерний европейской России) привели к тому, что Бухтарма и Уймон перестали считаться Беловодьем.

В той же статье Н. Ядринцев писал, что наступление на права и традиционные порядки бухтарминцев породило в них желание искать новые земли, где они могли бы поселиться привольно. «Начали носиться мифы о новых странах, где живет привольно, где нет гонений на веру и где не платят податей»⁴.

В другой статье «Судьба русских переселений за Урал», он писал: «Когда я стал посещать Алтай, население начало искать какую-то мифическую страну «Беловодье», которая предполагалась за китайской границей»⁵. Е. Шмурло утверждал не менее определенно: «Через все XIX столетие проходит неустанное искание этого фантастического Эльдорадо, где реки текут медом, где не собирают подати, где, наконец, специально для раскольников не существует никоновской церкви. Беловодье — географический пункт, не отличающийся ни определенностью, ни устойчивостью. Оно вообще там, где хорошо живет, причем мерка этого «хорошего», разумеется, крайне субъективна. Но вообще его надо искать возможно дальше — в наше время даже не на русско-китайской

¹ Ядринцев, I, стр. 41.

«Каменщики» — жители Бухтармы и Уймона (от «камень» — горная гряда, хребет имеется в виду Алтайский хребет).

² Один из примеров своеобразного наказания преступников приводится в статье А. Принца. В 1788 году, еще до присоединения к России, уличенных в преступлении бухтарминцы посадили на специально сколоченный плот, дали по буханке хлеба и пустили вниз по Бухтарме. Таким образом, если правительство наказывало ссылкой в Сибирь, то бухтарминцы наказывали высылкой в Россию. Здесь же приводится пример наказания за ранение китайского стражника.

³ Известно, что бухтарминцы пробовали ходатайствовать о сохранении льгот; в 1882 году они посылали в Петербург специальную делегацию, однако их хлопоты не увенчались успехом. В эти годы здесь складывается характерная легенда о пропавшей грамоте, которая могла бы спасти Бухтарму от «омужичивания». — Ядринцев, I, стр. 46—47.

⁴ Ядринцев, I, стр. 42.

⁵ «Отечественные записки», 1879, июнь, стр. 150.

границе, а совсем за пределами русской территории... Где она, эта сокровенная земля,—точно, разумеется, никто никогда определить не мог. Основывались на слухах, на фантастических предположениях, на кривотолках. То это Беловодие на верховьях Енисея или на оз. Оленгуре, то на какой-то реке Карше, в стороне Турканской, то где-то около Кобдо... Чтобы судить о степени подготовки, с какой предпринималось выселение, достаточно сказать, что одна партия шла на реки Тигр и Ефрат, в Япанское (т. е. в Японское) царство, и рассказчик, передавший мне об этом событии, долго не хотел верить, когда я, с картою в руках объяснял, почему они не могли попасть одновременно и в Месопотамию и на берега Тихого океана».¹

На этом этапе развития легенды Бухтарма и Уймон превращаются в сборные пункты всех стремящихся в Беловодье. Именно это и отразилось в анализированном «Путешественнике», где Уймон — последний пункт российского этапа путешествия, место, где сведующие люди должны показать проходы в горах и путь в китайское государство. Н. Ядринцев, пересказывая историю заселения этих долин, подчеркивает, что жителям их было свойственно ощущение временности их пребывания на южном Алтае. Здесь же он приводит характерный алтайский вариант известной песни:

Уж вы, горы, гороньки алтайские,
Приютите вы нас, добрых молодцов,
Добрых молодцов, разбойничков.
Мы пришли к вам, гороньки, не век вековать,—
Не век вековать, одну ночь почевать..²

В связи с этим нельзя не вспомнить первые строки известной книги Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России»: «Ох, плохое наше житье,—слышится всюду в средней России,—земли у нас малые, оброки большие и повернуться как, не знаешь; вот в Саратовской губернии или Пермской — так житье: земли много, паши сколько хочешь, там и умирать не надо». Поехал я посмотреть на Эльдорадо в восточной России, но, лишь только забрался в самое сердце Пермской губернии, услышал ту же песню: «Плохое наше житье, вот в Тобольской губернии — там житье, так житье, там и землю никогда не унавоживают». Спешу в Тобольскую губернию, но там, оказывается, также плохое житье и восхваляется Томский округ: «Там-де и леса изобильные и земли неделенные». Но и в Томском округе крестьянин оплакивает свою горькую участь: «Здесь земли легкие, не плодоносные,—говорит он,—зима суровая, ничего не родится, вот в Кузнецком и Бийском округе — там богатство, и хлеб, и мед, и лес — все в изобилии». Добрался я до Кузнецкого округа — и что же? Хотя бы встретил тень довольства своею судьбою. «Зачем и дети-то у нас родятся,—кричат матери в один голос,—пусть бы они умирали скорее, нам бы легче было». Где же хорошо? — спрашиваю я, наконец, в недоумении. «В восточной Сибири, там хорошо», — отвечают мне. Но терпение мое достигло своего предела...»³.

¹ Шмурло, стр. 15—16. В этой же статье на стр. 17 Е. Шмурло пишет: «Точно так же, в наше время,—за мою поездку мне не раз приходилось это слышать — бухтарминцы называли Беловодьем „Кемчугу“, ту часть Монголии, что лежит на юг от Ману-Усинского пограничного округа, и где действительно существуют русские поселения». Ср. представления, отраженные в ряде средневековых „космографов“ о том, что рай находится за океаном и в то же время из него вытекают реки Тигр, Ефрат, Гион и Фезон.

² Ядринцев, I, стр. 28.

³ В. В. Берви-Флеровский. Избранные экономические произведения. Т. I. М., Соцэкгиз, 1958, стр. 35.

Если здесь и не называется Беловодье, лежащее где-то за китайским царством, то в известных пределах (до Бийска и Кузнецка) точно повторяется маршрут уже хорошо знакомый нам по «Путешественнику». В то же время изучение материалов, связанных с историей крестьянского переселенческого движения, показывает, что маршрут, зафиксированный в «Путешественнике» и названный Флеровским, был одним из наиболее популярных традиционных направлений этого движения в XIX веке, особенно во второй половине XIX века ¹.

В этом маршруте, с одной стороны, как бы обобщается последовательный ход поисков «вольных земель», с другой стороны, отражен уже тот их этап, на котором переселенцы разом проходили весь этот исторически сложившийся путь. Восприятие своих бедствий и своего гнета, как местного, не обязательного для всей России и, тем более, кончающегося за ее пределами, сменялось своеобразным обобщением (и экономическим, и политическим, и религиозным, и, добавим мы, легендарным, поэтическим), выраженным в беловодской легенде, в которой тоже предстояло разочароваться.

В той же книге, в главе «Положение работника на севере», Флеровский рассказывает: «В марте месяце 1866 года в губернском городе N стали появляться какие-то люди жалкого и оборванного вида. У них были узаконенные годовые паспорта; по словам их, они переселенцы из Каргопольского и Пудожского уездов Олонецкой губернии. Несмотря на то, что виды их были вполне законные, полиция, однако же, задерживала их; по причине крайней их нищеты им выдавали общее арестантское содержание и затем возвращали их в Каргополь и Пудож. Людей этих прибывало все более; все части города были ими наполнены и, несмотря на то, что их постоянно высылали обратно, они все прибывали, так что в частях их бессменно находилось почти до ста человек. В город N попадал, однако же, только авангард движения, потому что, как скоро они узнали, что здесь их задерживают и отсылают обратно, они перестали въезжать в город и возвращались домой. В Олонецкую губернию возвращались они крайне неохотно; они объявляли, что готовы остаться навсегда в губернии, где были задержаны, отправиться в Сибирь, в восточную Россию, на Кавказ, куда угодно, но только не в Олонецкую губернию. Когда их спрашивали, куда они переселяются, они не умели дать никакого положительного ответа или отвечали неопределенно: в Самарскую губернию» ². Как следует из текста главы, «Самарская губерния» здесь — синоним места, где живет лучше, чем дома.

Все это убедительно подтверждает мнение Е. Шмурло. Мы видели, что «беловодцы» не имели ясного представления о том, где именно находится заветная страна, и пытались, отправляясь от вошедшей в традицию Бухтармы, искать ее в разных направлениях. Следовательно, Беловодье — не определенное географическое название, а поэтический образ вольной земли, образное воплощение мечты о ней.

Это подтверждается и составом слова «Беловодье». Первая часть его — *бело-* несомненно воспринималась не как название цвета, а связывалось с другим значением прилагательного *белый*, хорошо известным и в старом русском языке, и в диалектах, и отчасти сохранившемся в современном литературном языке — *чистый, свободный* от чего-либо, *вольный*.

Так, например, происхождение названия «Белоруссия» (Белая Русь) выясняется в связи с историей белорусских земель в XIII веке. Так

¹ См. выше, стр. 151.

² В. В. Берви-Флеровский, указ. произв., стр. 131.

обозначалась в это время северо-восточная и восточная ее часть, не покоренная татарами и не находившаяся под властью литовских князей. «Беломестцами» или «обельными» назвались крестьяне, освобожденные от всяких податей или повинностей (потомки Сусанина, так называемые «беломестные казаки», некоторые семьи в Карелии¹ и др.), «белыми» назывались земли, не подвергавшиеся обложению в противоположность «черносошным» крестьянам, «черным» землям и т. д.

В словаре И. И. Срезневского, так же, как и в академическом «Словаре современного русского языка», значение *белый* — *чистый*, *свободный*, *вольный* специально выделяется и истолковывается.² В словаре В. Даля прямо говорится: «Беловодье — никем не заселенная вольная земля»³. Напомним еще о том, что в XIX веке на Алтае параллельно с легендой о Беловодье бытовала легенда о Белогорье, раскольничье население в Австрии называлось Белой Криницей и т. д.

Вторая часть слова Беловодье — *водье* — также наделялась совершенно определенным смыслом — остров, земля, лежащая за водой, за морем, достаточно удаленная от тех мест, из которых ее искатели хотят уйти. Итак, *Беловодье* по смыслу самого слова — это далекая, вольная, незаселенная земля, освобожденная от податей и обложений, что совершенно совпадает с содержанием анализируемой легенды.

Было бы странно разыскивать Беловодье на карте. Однако нельзя забывать о том, что Беловодье — не просто поэтическое представление; его страстно искали и горячо надеялись найти. По «Путешественнику» это удалось целой группе русских людей после разгрома Соловецкого монастыря, причем они добрались до Беловодья морским путем через Ледовитый океан. Позже некоторые достигали желанной страны сухопутным путем, двигаться которым советует «Путешественник», ссылаясь на Марка (Михаила) и его товарищей. Характерно, что Аркадий Беловодский выдвигает в своих грамматах другой путь достижения Беловодья. Несмотря на анекдотическую путаницу названий и расположения называемых им городов и стран, можно догадаться, что он имеет в виду южный морской путь на восток. Именно по этому пути направились и уральские казаки во главе с Г. Т. Хохловым и, еще раньше, казак Варсонофий Барышников. Одним словом, в народном сознании жило представление о том, что Беловодье находится где-то далеко на востоке, за «китайским царством», на островах в океане, причем достичь его можно сушей, либо одним из морских путей — северным или южным.

Напомним, что южный морской путь в Китай был издавна знаком и европейским и русским мореплавателям. Предположения же о существовании северного пути возникли еще в XVI веке, реальные поиски начались в 1720 году, а завершились они лишь в 1932 году экспедицией О. Ю. Шмидта. Вместе с тем известно, что поморы издавна ходили в Обскую и Тазовскую губу (Мангазея), огибали мыс Челюскин и даже достигали Новосибирских островов⁴. По преданию, бытующему среди

¹ Сведения об обельных крестьянах в Карелии см. К. В. Чистов. Былина Рахта Рагнозерский и предание о Рахкое из Рагнозера. В кн.: «Славянская филология. Сборник статей к IV съезду славистов». Т. III. М., 1958, стр. 385—387. См. также «Олонецкие губернские ведомости», 1841, № 10 и 84; 1855, № 3 и др.

² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1953, стр. 218; Словарь современного русского литературного языка. Т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 378—387.

³ В. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. 1955, стр. 156; со ссылкой на томский диалект.

⁴ М. С. Бондарский. Очерки по истории русского землеведения. Т. I. М., 1947, стр. 20, 37—39 и др.; Б. О. Долгих. Новые данные о плавании русских северным морским путем в XVII веке. «Проблемы Арктики», 1943, № 2.

так называемых «русскоустыинцев», т. е. русских, населяющих Русско-Устыинский наслег Аллаиховского района Якутской АССР, их предки пришли в эти места еще во времена Ивана Грозного «морем на кочах» с берегов Белого моря, Мезени и Печоры, т. е. по крайней мере в конце XVI — начале XVII века¹. Примерно в это же время русские землепроходцы, двигаясь через Сибирь сухопутным путем, впервые выходят на острова северной части Тихого океана.

Таким образом, уже в тех строках «Путешественника», где рассказывается, как после разгрома Соловецкого монастыря группа русских людей отправилась в Беловодье «кораблями ледовитым морем», содержится изрядная доля идеализации, как бы это ни оправдывалось дальнейшими успехами полярного мореходства XIX—XX веков.

В облике Беловодья, помимо черт, которые легко объясняются поэтической идеализацией утопической вольной страны, есть еще нечто, требующее дальнейшего объяснения.

В самом деле, это страна, находящаяся за Китаем, где-то в океане, она расположена на множестве островов, там растут «древа», которые «с высочайшими горами равняются», бывают сильные морозы и частые землетрясения. «Офонцы», живущие в том же Беловодье, либо где-то рядом «в землю свою никого не пускают и войны ни с кем не имеют». Нельзя не заметить, что все это действительно напоминает тихоокеанские острова, расположенные вдоль северо-восточного побережья азиатского материка (Курильские и Алеутские острова, Сахалин, Японские острова), причем особенно их северную часть (Курильские острова)², где действительно бывают сильные морозы и постоянные землетрясения и извержения вулканов (на 36 больших и бесчисленном количестве мелких островов этого архипелага находится более 100 вулканов, из которых, по крайней мере, 33 действующих). Крупнейшие из Курильских островов — Уруп, Итуруп и Кушанир покрыты густыми лиственными и кедровыми лесами.

В этом же убеждает нас и история открытия и освоения Курил и установления дипломатических отношений с Японией.

Начнем с последнего. Напомним, что сведения о Японии проникают в русскую письменность в XVII веке³. К этому времени русское правительство еще не располагало ничем, кроме слуха о том, что Япония необыкновенно богата и находится где-то в океане, к востоку от устья Амура. Последующие 150 лет ушли на поиски морского пути из России в Японию, а затем на многочисленные безуспешные попытки установить с ней торговые и дипломатические отношения. Японцы действительно, вплоть до середины XIX века «никого в свою землю не пускали» и их решительное нежелание входить в какие-либо отношения с иностран-

¹ Т. А. Шуб. Былины русских старожиллов низовьев реки Индигирки. „Русский фольклор“. Т. I. М.—Л., 1956, стр. 207—209.

² На Японских островах климат не столь суров, а Алеутские острова совершенно лишены леса. В то же время, землетрясения и извержения вулканов в равной степени характерны для всех этих архипелагов.

³ Космография 1670 г. Книга, глаголемая Козмография сиречь описание сего света земель и государств вслких. СПб., 1878—1881; „Путешествие через Сибирь, от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева“. СПб., 1882; гл. „Описание славного и великого острова Иапонского“; „Чертеж всех сибирских городов и рек и земель,“ вошедший несколько позже в „Чертежную книгу Сибири, составленную тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1801 г.“. СПб., 1882, стр. 22—23.

На чертеже Ремезова „Апония“ лежит за китайским царством и вместе с тем, против устья Амура, о котором сказано: „До сего места царь Александр Македонский доходил и ружье спрятал, колокол оставил“.

цами (кроме китайцев и отчасти голландцев) было сломлено лишь военной силой США, Англии и Франции в 1854 году. Официальные взаимоотношения Японии с Россией были впервые установлены в 1854—1855 годах после подписания с ней Симодского трактата¹. Во всем этом нам особенно важно то, что в XVIII и первой половине XIX века Япония была единственным географическим соседом России, о котором знали мало и неопределенно.

Не только неграмотные мужики, но и высокообразованные члены экспедиции адмирала Путятина в 50-е годы XIX века знали о Японии лишь понаслышке, из источников, зачастую устаревших и фантастических. Завидев берега Японии, сопровождавший экспедицию в качестве ее летописца, И. А. Гончаров воскликнул: «Вот достигается, наконец, цель десятимесячного плавания, трудов. Вот этот запертый ларец с потерянным ключом, страна, в которую заглядывали до сих пор с тщетными целями склонить и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство»². Незнание в сочетании со слухом о необыкновенном богатстве Японии, по-видимому, и явилась почвой для втягивания «Апонского государства» в беловодскую легенду³. Примечательно, что в те же десятилетия, когда царское правительство искало Японию, а потом добивалось установления с ней дипломатических и торговых отношений, народная мысль связывала с этой загадочной страной надежды, которым не суждено было осуществиться. Нельзя не признать историческим парадоксом и то, что в легенде идеализируется изолированность Японии, что должно было, вероятно, по мысли создателей и носителей легенды, гарантировать ее независимость от российского начальства и ее неучастие в постоянных европейских военных конфликтах, ложившихся тяжелым бременем на плечи народа, в то время, как в действительности изоляция была средством, к которому прибегала японская сегунская верхушка

¹ Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения 1697—1875 гг. М., Изд-во восточной литературы, 1960.

² И. А. Гончаров. Фрегат „Паллада“. Собр. соч., т. 3. М., ГИХЛ, 1953, стр. 3.

³ Легенда о Японии, стране необыкновенных богатств, была широко распространена и в Западной Европе. Как пишет современный исследователь, „слухи о богатстве Японии — как теперь известно, очень преувеличенные — сыграли заметную роль в истории великих открытий. До Марко Поло они распространялись арабскими географами, например, Идриси (XII век), после Марко — западноевропейскими „космографами“ XV в., например, одним из вдохновителей Колумба Паоло Тосканелли. В XVI—XVII вв. такие слухи распространялись и самими португальцами — авантюристами вроде М. Пинту и их завистливыми западноевропейскими конкурентами; последние, например, утверждали, будто португальцы в начале XVIII в. вывозили ежегодно из Японии 600 бочонков чистого золота (Э. Реклю, „Земля и люди“, т. 7, стр. 842). Этим слухам верили, по крайней мере, до середины XIX века...“ — Примеч. И. П. Магидовича к „Книге Марко Поло“. М., Географгиз, 1956, стр. 315. Ср. описание Японии у Марко Поло: „Остров очень велик: жители белы, красивы и учтивы, они идолопоклонники, независимы, никому не подчиняются. Золота, скажу вам, у них великое обилие: чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда: с материка ни купцы, да и никто не приходит сюда, оттого-то золота у них, как я вам говорил, очень много. Опишу вам теперь диковинный дворец здешнего царя. Сказать по правде, дворец здесь большой, и крыт чистым золотом, так же точно, как у нас свинцом крыты дома и церкви. Стоит это дорого — и не счесть! Полы в покоях, а их тут много, покрыты также чистым золотом, пальца два в толщину; и все во дворце, и залы, и окна покрыты золотыми украшениями. Дворец этот, скажу вам, безмерное богатство, и диво будет, если кто скажет, чего он стоит! Жемчугу тут обилие; он розовый и очень красив, круглый, крупный; дорог так же, как и белый. Есть у них и другие драгоценные камни. Богатый остров и не перечесть богатства.“ — Там же, стр. 170. Как видим, описание Марко Поло не имеет ничего общего с „Путешественником“. В XVII—XVIII веках в связи с поисками Японии ходили легенды о богатой „земле Гамы“, о „серебряных“ островах и т. д.

для искусственного удержания феодальной системы, торможения феодального кризиса, охватившего Японию XIX века.

В легенде, вероятно, отразилось и то, что в Японию русские шли через Курилы. Продвижение вдоль Курил, обследование их берегов и проливов между ними и затем освоение крупнейших из них было неразрывно связано с поисками Японии.¹ В 1713 году Иван Козыревский с отрядом служилых казаков и местных жителей отправился с Камчатки на Курилы, чтобы «провесть от Камчатского Носу за переливами морские острова и Апонское государство»². В последующие годы освоение Курил развивалось так же, как и большинства районов Сибири и Дальнего Востока — стихийная колонизация, инициатива искателей вольных земель, землепроходцев и промышленников значительно обгоняла инициативу правительства. Правительство долгое время (так же, как позже на Сахалине) не знало, есть ли русские промышленники на Курилах, сколько их там, чем они занимаются и т. д. Тем временем они вышли на Сахалин и с южных Курил и южного Сахалина, вступили в эпизодический товарообмен с японцами о-ва Хоккайдо.

В 1738—1742 годах правительство снарядило первую экспедицию (М. Шпанберг) для обследования Курильских островов и поисков Японии. Экспедиция оказалась удачной, она насчитала 32 острова Курильского архипелага и 16 июня 1739 года первое русское судно увидело берега Японии. Как пишет современный исследователь, изучавший архивы Адмиралтейств-коллегии, «русские заметили деревни, хорошо обработанные поля, множество лодок и толпу и людей»³, что после пустынной Камчатки и диких Курил не могло не показаться удивительным.

Курилы явились той «дорогой», по которой русские дошли до Японии — загадочной страны, богатой и цивилизованной, лежащей за тысячеверстным пространством пустынных и диких земель Дальнего Востока и северо-восточной Сибири. Вместе с тем, Курилы — последняя полоса вольной земли в ходе стихийной колонизации азиатского материка, последняя реальная опора наивной и поэтической надежды мужика уйти из-под власти и гнета феодального общества. Эти впечатления искателей вольных земель и землепроходцев не могли не отразиться на судьбе легенды о Беловодье на одном из поздних этапов ее развития. Легендарное Беловодье на тихоокеанских островах, где-то в районе Курил, в непосредственной близости от загадочной «Апонии» — последний географический рубеж, дальше которого оно уже не могло передвигаться. Правда, некоторым резервом продолжали оставаться малоосвоенные районы западного Китая и внутренней Монголии, куда, как уже говорилось, попадали многие партии искателей Беловодья.

Следует подчеркнуть, что суровость климата делала Курилы малоприспособленными для сельского хозяйства, о котором, конечно, мечталось творцам легенды. В этом отношении Бухтарма и Уймон — действительно плодородные долины — оставляли далеко позади и Курилы, и Сахалин, и северные районы Японии.

¹ С. Знаменский. В поисках Японии. Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Благовещенск, 1929; А. С. Полонский. Курилы. „Зап. РГО“, т. IV, 1871.

² Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. I. 1700—1713. СПб., 1882. В челобитной Петру I от 26 сентября 1711 года И. Козыревский и Д. Анциферов сообщали об этом и обещали добраться в ближайшем будущем до „Матмаского (т. е. о-ва Хоккайдо.— К. Ч.) и Апонского царства“.

³ Э. Я. Файнберг, указ. произв., стр. 27—28.

Неосведомленность носителей легенды о реальном положении вещей сказывалась и в том, что на тихоокеанских островах вблизи северо-восточных берегов азиатского материка они помещали ревнителей древнего благочестия и их церкви, патриарха и епископов, избежавших гонения «антихриста». В действительности на Курилах, Алеутских островах и Сахалине их могла ожидать только встреча с язычниками-айнами, гиляками, ороченами, якутами, алеутами и т. д. В Японии же после активной деятельности католических миссионеров в XVI веке наступил длительный период жестоких преследований христианства. Следовательно, тихоокеано-японский этап развития беловодской легенды, в отличие от бухтарминского, не имел столь реальных экономических, либо религиозных оснований. Вместе с тем заселение Беловодья христианами, выходцами из западных земель и притом говорящих на «сирском языке», не лишено было все же некоторого исторического или, лучше сказать, легендарно-исторического основания. Представление о том, что где-то далеко на востоке живут христиане (разумеется, не просто православные и, тем более, не старообрядцы), могло возникнуть на почве каких-то воспоминаний о восточных ответвлениях христианства (манихеях, несторианах, маронитах, якобитах и т. д.), успехи которых в средней Азии, Индии и Китае церковной легендой связывались с проповедью апостола Фомы (его не случайно упоминает и Г. Т. Хохлов на первой странице своего дневника). Исторически достоверно лишь то, что манихейцы (III век) и несториане (V—VI века) доходили до Китая и некоторое время довольно сильно там распространились. Несториане и марониты первоначально говорили на древне-сирийском (сирском) языке и долго сохраняли его впоследствии в качестве церковного обрядового и книжного языка. В X—XI веках на северо-востоке Китая существовало государство киданей Ляо, в котором христиане (по европейской легенде) играли решающую роль. Христиане действительно пользовались значительным влиянием в монгольских государствах до Тамерлана, который начал их жестоко преследовать. В конце XIX века в Турции, Персии, Ираке, Месопотамии жило более 250 тыс. христиан восточного происхождения и продолжали существовать разрозненные христианские общины в Индии и Китае¹. Таким образом, сообщение «Путешественника» о сирском языке и патриархе антиохийского поставления, ушедшем с Запада от «папешского гонения», является не бессмысленной и беспочвенной фантазией, а результатом исторической идеализации определенных фактов и обстоятельств.

Процесс перенесения Беловодья в сознании его искателей из плодородных земель южного Алтая куда-то на восток и северо-восток шел, вероятно, параллельно с усвоением и переработкой русскими промышленниками и землепроходцами фантастических легенд сибирских аборигенов о существовании где-то далеко на севере, в Ледовитом океане или северной части Тихого океана, «зеленой земли» или других легендарных островов с пышной растительностью, богатой пушиной и таинственным населением, не вступающим в прямой контакт с жителями материка². Особенно примечательна в этом отношении легенда о «земле бородатых», на которую обратил недавно внимание А. П. Окладников. Исследователь пишет: «Со временем, когда на севере Азии появились русские, они не только легко восприняли рассказы и представления аборигенов об островах в Ледовитом море, но развили их дальше, придали им новую окраску

¹ Порфирий. Восток христианский. Киев, 1879; Петров. Восточные христианские общества. СПб., 1876, и др.

² „Земля Тикиген“, „Земля Андреева“ и др.

соответственно своим представлениям и мировоззрению. В легенде о «Земле бородатых» отразилась наивная крестьянская мечта о вольной земле без властей и податей, а также легенда старообрядцев о своего рода граде Китеже»¹. Материалы, собранные А. П. Окладниковым, показывают, однако, что эти легенды напоминают более не китежскую, а беловодскую легенду. «Бородатые» люди здесь мыслятся как старообрядцы, заброшенные на какой-то остров и живущие на нем богато и привольно, без властей, без податей и без рекрутчины. Вместе с тем они, подобно беловодцам, заботливо оберегают свою отъединенность и независимость от прочего мира, отвергаемого ими. Мы не будем повторять всех фактов, приведенных А. П. Окладниковым², укажем только на два, наиболее характерные. В середине XIX века верхоянский исправник писал иркутскому епископу Вениамину: «Народное предание говорит, что на том острове проживают лет четыреста, что какой-то епископ со свитою был занесен на него и выброшен, судно разбилось и спасения не было, будто слышат на том острове звуки колоколов, но как в жилье свои бородачи не допускают, а ведут торговлю только на берегу, то дикие чукчи сами наверно не удостоверяют»³.

В 90-е годы XIX века один старик на Колыме, услышав об экспедиции на Северный полюс, говорил Дионею, автору книги «На крайнем северо-востоке Сибири»: «Ну, значит, беспрерывно к людям, что в домах с золотыми крышами, заедут»⁴. В связи с свидетельством Дионея А. П. Окладников замечает: «Основанием для чукотского предания об острове с «бородатыми» людьми и об имеющихся у них церквах с колоколами, может быть, являются доходившие до них, а через них и до русских казаков еще с XVII века смутные рассказы о Японии и айнах, о буддийских и синтоистских храмах с колоколами»⁵.

Ни в одной из записей, на которые указывает А. П. Окладников, нет упоминания Беловодья, и у нас нет оснований считать их вариантами нашей легенды. Однако нельзя не признать, что подобные рассказы могли повлиять на ее развитие, утвердить искателей Беловодья в мысли искать желанную страну на тихоокеанских островах у северо-восточного побережья азиатского материка. Вместе с тем заметим, что по имеющимся у нас сведениям основные поиски направлялись все же через Китай и районы Внутренней Монголии, правда, все к тем же островам Тихого океана.

Итак, с точки зрения истории колонизации Сибири (Алтая) и Дальнего Востока (Курил и Сахалина) беловодская легенда получила свое объяснение и историческое обоснование. Однако остается неясным, как же все эти факты, разысканные нами в исторических документах и ученых книгах, могли оказаться известными (дошли в виде слухов, произвели определенное впечатление, оставили след в сознании) крестьянам центральных и особенно севернорусских губерний, где несомненно и возник «Путешественник», не случайно приписанный в списках первой редакции Марку Топозерскому.

¹ А. П. Окладников. «Земля бородатых». Тр. отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР, т. XIV, 1958, стр. 521.

² См. ссылки на статьи: И. Сельский. Описание дороги от Якутска до Средне-Колымска. Зап. Сиб. отд. РГО, кн. I, 1856, стр. 84—103; П. Громов. Историко-статистическое описание камчатских церквей. Тр. Киевской духовной академии, т. I, 1861: «Иркутские епархиальные ведомости», 1867, № 51; Дионею. На крайнем северо-востоке Сибири. М., 1895, стр. 136; Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. 2, № 118, стр. 501 и др.

³ Громов, Указ. соч.

⁴ Дионею. Указ. соч.

⁵ Окладников. Указ. соч., стр. 523.

По-видимому, следует говорить о целом ряде причин и факторов, многие из которых недостаточно изучены в нашей историографии. На первое место среди них выдвигается многовековое переселенческое движение, переплетавшееся с постоянным исканием вольных земель¹. Известно, что в овладении сибирскими пространствами и богатствами сибирских недр, прокладывании северного морского пути большую роль сыграло севернорусское крестьянство, унаследовавшее в этом отношении старые новгородские традиции. С другой стороны, уже в XVII веке восточная Сибирь стала местом ссылки. Следует также учесть, что переселение, по крайней мере до середины XIX века, развивалось в стихийных формах активнее, чем в формах официальных. Участники этого движения, так же, как «бегуны» и бродяги, бежавшие из ссылки и каторги, беглые крепостные и солдаты лишь в незначительной части оставили какие-то следы в официальных документах. Да и те из них, которые попадали в руки полиции, зачастую объявляли себя «не помнящими родства», отказывались называть губернию, из которой они вышли и т. д. И, наконец, мы пользовались лишь печатными источниками. Дальнейшее изучение местных архивов, как сибирских, так и центрально-русских и севернорусских губерний, несомненно умножит количество интересующих нас фактов.

Приведем только отдельные примеры, которые как бы пунктиром очертят интересующую нас проблему. Уже в конце XVI века среди переселенцев на Пелым отмечаются выходцы из Каргополя². В 1683 году в грамоте верхотуринскому воеводе цари Петр и Иоанн писали, что по их сведениям из поморских городов (имеется в виду северное Поморье, т. е. Беломорье.— К. Ч.) беглецы бегут в Сибирь и повелели их по возможности не пропускать³. В конце своего царствования, в 1724 году, Петр приказывает олонецкому ландрату Муравьеву принять меры к недопущению ухода повенецких раскольников в Сибирь⁴.

Через два года, в 1726 году, известный заводчик А. Н. Демидов в прошении в Берг-коллегию пишет: «В прошлом 1725 году посланы от меня нижайшего были Олонецкие старики, а как их зовут, не упомяну, для сыскания медных руд в Томском и Кузнецком уездах, и чрез их старание сысканы в тамошних местах богатые медные руды...»⁵ Здесь уже прямо идет речь об Алтае и Демидовских заводах, рабочие которых, как это много раз отмечалось в литературе по истории Томского края, составили определенную часть поселенцев южноалтайских долин, слившихся некоторое время Беловодьем.

В 30—40-е годы XVIII века среди ранних поселенцев Томского края мелькает имя некоего Егора Карела из Олонецкой д. Суздальской⁶.

Известно, что в истории открытия и освоения Камчатки, Курил и Алеутских островов крупную роль сыграл каргопольский выходец купец А. А. Баранов, правитель «Русско-американской компании»,

¹ Интересные данные по Приуралью см. А. С. Черевань. Формирование сословия государственных крестьян на Урале и европейском севере России. Петрозаводск, 1960.

² Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1882, стр. 130.

³ В. Берх. Древние государственные грамоты, наказные памятки и челобитные, собранные в Пермской губ. СПб., 1821, стр. 115.

⁴ Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова, составленный И. А. Быковым, СПб., 1891, стр. 236.

⁵ Г. Спасский. Жизнеописание А. И. Демидова, основателя многих горных заводов. СПб., 1877.

⁶ Н. Д. Беликов. Первые русские крестьяне-населенники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта. В кн.: «Научные очерки Томского края», Томск, 1898, стр. 28.

основатель Новороссийска в заливе Якутат и Новоархангельска на о-ве Ситхе, последний из которых был главным городом Русской Америки. Баранов привлекал своих земляков — каргопол и беломорских помощников — к торговым и географическим экспедициям компании.

Один из главных распространителей «бегунства» в Сибири в первые десятилетия XIX века Яков Яковлев перед арестом и ссылкой в Сибирь по имеющимся сведениям бывал во многих северных губерниях, в том числе и в Олонецкой¹. Известно далее, что в XIX веке «бегуны» неоднократно собирали свои соборы в Сопелках, Нижнем Тагиле и других местах. На соборах присутствовали как представители северных, так и сибирских губерний. А. Принтц писал: «Так сюда, на «Беловодье» «в камень» (т. е. в горы.— К. Ч.) стали удаляться раскольники из приписных крестьян и других сословий и могли здесь свободно, не опасаясь преследований, отправлять обряды своей веры. За раскольниками сюда бежали и не раскольники: крестьяне, заводские мастеровые и люди другого состояния, желавшие избавиться от работ и повинностей. В позднейшие времена встречали там выходцев из отдаленных мест империи, из Архангельской губернии, скитов Олонецкой губернии, Соликамских лесов и проч.»² (Разрядка наша.— К. Ч.).

Довольно обильный материал по интересующему нас вопросу дает книга Д. Беликова «Томский раскол». Так, здесь сообщается об аресте в 1859 году в д. Верхне-Бухтарминской страницы Екатерины Карельской³, говорится о Николае Петрове, «выходце из Финляндии», который играл значительную роль в томском расколе в 30—40-е годы XIX века (д. Малобашалакская) и, по предположению Д. Беликова, был «бегуном»⁴, причем мать его была по какой-то причине, оставшейся неустановленной, выслана из России⁵.

В 30—50-е годы в Талминской волости был известен Фирс Харин, который перед тем продолжительное время провел в Выговском крае Олонецкой губ.⁶

В Каинском округе в это же десятилетие руководителями «беспоповщины» были Г. Хохлов и Г. Зорин, активно связанные с российскими поморцами, жившими на Выге и Вытегре. При аресте у Г. Зорина были обнаружены документы, свидетельствовавшие о переписке с Выгом и Лексой⁷.

В 1868 году в группе арестованных за Прокопьевской заимкой была некая Евдокия — «девица, сосланная в Сибирь помещиком из Вологодской губернии».

В статье С. Л. Чудновского «Раскольники на Алтае» упоминается И. Е. Каменщиков — поморский наставник, известный на всем Алтае в конце XIX века и ходивший в свое время в Данилово на Выге⁸.

¹ Бывал ли он, подобно другим руководителям «бегунства» — Евфимию, Н. С. Киселеву, И. Федоровой — на Топозере, установить не удастся.

² Принтц, стр. 546—547.

³ Беликов, стр. 41.

⁴ Там же, стр. 60—61.

⁵ Там же, стр. 60.

⁶ Там же, стр. 64.

⁷ Там же, стр. 65.

⁸ С. Л. Чудновский. Раскольники на Алтае. «Северный Вестник», 1890, сентябрь, стр. 66—67. Кстати, отметим любопытный факт, сообщаемый В. Майновым в книге «Поездка в Обонежье и Корелу» (изд. 2, М., 1877): «На ночлег располагается у крестьянина — отставного матроса, который ходил в Японию, а теперь занимается починкой и выделкой мебели и утвари в Ловице на Выгозере» (стр. 245). Речь идет безусловно о матросе — участнике экспедиции Путянина. В. Майнов, которому глушь олонекских лесов кажется несоместимой с новооткрытой Японией, иронически восклицает: «Япония и Выгозеро! Как это клеится!»

В статьях и исследованиях по переселенческому движению XIX века постоянно приводятся сведения о переселенцах в Сибирь, в том числе и на Алтай из северных губерний — Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Пермской, Вятской и др. К сожалению, данные здесь обычно не расчленены и затруднительно говорить о каких-то определенных районах как Алтая, так и северных губерний. Однако остается несомненным активное участие крестьян этих районов в переселенческом движении, несколько затихавшем в годы, предшествующие реформе, и возобновившемся с нарастающей силой во второй половине XIX века, когда последствия ее более или менее проявились.

Связи северных губерний с Алтаем и Томским краем подтверждают и позднейшими статистическими и этнографическими исследованиями. Еще А. Принц отмечал, что почти все бухтарминцы — «беспоповцы», т. е. раскольники поморского толка»; это же подтверждали Ядринцев, Беликов и другие авторы, вплоть до исследователей 20-х годов нашего столетия. Этнографическое обследование Бухтармы и Уймона, произведенное академической экспедицией 1927 года, привело Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкову к выводу о том, что и в постройках¹ и в одежде² и в говоре³ бухтарминцев выделяются многочисленные элементы, составляющие вспомнить о севернорусских традициях.

Итак, живая связь Алтая с севернорусскими губерниями представляется несомненной. Она составляла определенную традицию, сыгравшую значительную роль и в истории беловодской легенды, и в процессе возникновения «Путешественника», связанного с этой легендой.

Изучение «Путешественника» и материалов, связанных с крестьянскими попытками искать Беловодье, показывает, что беловодская легенда возникла на почве мечтаний о вольной земле и была крестьянской социальной утопией, выражавшей стремление выйти из-под власти феодального и, вместе с тем, капитализировавшегося общества, надежду на возможность существования вольного уголка земли, острова, не пораженного социальными болезнями, характерными для России, современной создателям и носителям этой легенды. Легенда, подобная беловодской, могла возникнуть лишь в период всеобщего кризиса феодальной системы на почве решительного отрицания возможности дожидаться хоть каких-нибудь улучшений. С другой стороны, она могла возникнуть лишь в условиях устойчивой традиции стихийной колонизации резервных пространств и стихийного переселенчества.

История беловодской легенды показывает, что народная мысль до дна исчерпывает эти возможности резервных пространств: Беловодье перемещалось все дальше и дальше на восток, пока не вошло в соприкосновение с соседними государствами (или встречным потоком колонизации) и достигло северных границ ойкумены. Разумеется, эта мечта о вольной земле обладала всеми качествами, которые были присущи крестьянскому мировоззрению XVIII—XIX веков. Она, прежде всего, негативна по своей природе — ее содержание определяется неприятием определенных сторон ненавистной социальной действительности. Мысль

¹ Е. Э. Бломквист. Постройки бухтарминских старообрядцев. В сб.: „Бухтарминские старообрядцы. Материалы комиссии экспедиционных исследований“. Вып. 17. Л., Изд. АН СССР, 1930, стр. 193—312.

² Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев. Там же, стр. 313—396.

³ Н. П. Гринкова. Говор бухтарминских старообрядцев. Там же, стр. 433—460.

создателей легенды не поднимается до создания какой-либо положительной государственной и социальной теории. Освобождение от всего, что веками гнетет, унижает, разоряет, кажется надежной гарантией счастья и благополучия. Жизнь в Беловодье, вероятно, рисовалась как общинно-артельное содружество мелких равных производителей, соблюдающих справедливость. Мы говорим «вероятно», так как сама легенда молчит об этом; предположения наши могут строиться на основе наблюдения над тем, как русский мужик устраивал свою жизнь «без начальства», например, в казачьих районах в первые годы существования казачества или в районах стихийной колонизации, в залесных беспоповщинских скитах и т. д. Этот рай на земле не рисовался подобием небесного рая, обещанного церковью, в котором можно блаженствовать не трудясь. История Бухтармы и Уймоны показывает, что искатели Беловодья не боялись труда в самых суровых условиях. Не пугали их и слухи о морозах и землетрясениях в самом Беловодье — лишь бы земля рождала «виноград и сорочинское пшено», которые мыслились как наилучшие, идеальные плоды земледельческого труда.

Негативность и элементарная теоретическая эмпиричность подобного рода легенд особенно хорошо выявляется в свете тех результатов, к которым обычно приводили опыты вольного житья. Даже и в тех случаях, когда «начальство» не склоняло жителей «вольных общин» к подчинению, выделялось кулачество, экономическая, военная или религиозная верхушка, которая запутывала в свои сети и поработала членов общины. Однако познать эту закономерность крестьянство было не в силах. Политическая бесформенность крестьянского мировоззрения, мелкобуржуазная его природа, сплетенность в крестьянской душе трудовых и собственнических начал, обуславливали неспособность массы крестьян подняться выше примитивных уравнилельных представлений. И все же, как подчеркивал В. И. Ленин, именно уравнилельные тенденции крестьянства при всей их исторической бесперспективности были в условиях тогдашней России с ее характерным сочетанием капиталистических порядков с сильнейшими феодальными пережитками в высшей степени революционными. В статье «Сила и слабость русской революции» он писал: «При борьбе крестьян с крепостниками-помещиками самым сильным идейным импульсом в борьбе за землю является идея равенства, — и самым полным устранением всех и всяких остатков крепостничества является создание равенства между мелкими производителями. Поэтому идея равенства является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков»¹.

Легенда о Беловодье была отнюдь не просто фантазией, рожденной пассивной мечтательностью. Она была поэтическим стимулом и санкцией своеобразного антифеодального движения, специфической формой политической борьбы крестьянства с правительством, с общественным строем во всех его проявлениях; формой до предела наивной и трагически бесперспективной, но исторически неизбежной. Кстати говоря, эта форма, сильная полнотой своего отрицания, совершенно исключала и царистские и церковные иллюзии, которые привели в 1905 году тысячи петербургских рабочих к печальному опыту 9-го января, и в этом смысле она сохраняла свою относительную прогрессивность до тех пор, пока, по мере приближения к 1917 году в крестьянском движении не восторжествовали открытые формы прямой политической борьбы с самодержавием.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 317.

вием и помещичье-капиталистическим строем. При этом относительно прогрессивен был именно процесс неизбежного изживания утопических иллюзий, а не сами по себе эти иллюзии. Потеря веры в существование где-то на краю света вольной земли в сочетании с решительным отрицанием действительности вела прямо к осознанию невозможности жить по-старому и, в конечном счете, к революционной активности.

Все это было бы именно так, если беловодская легенда не была бы отягощена грузом религиозных представлений. Мечта о вольной земле сочетается в ней не только с собственническими идеями, но и с типично старообрядческой реакционной по своей природе мечтой о земле, сохранившей «древнее благочестие». И в этом смысле она является типичным порождением своего времени.

Изучение «Путешественника», истории поисков Беловодья и свидетельств историков, краеведов и этнографов, современников этих поисков, не может не привести к выводу, что соотношение социальных, экономических и религиозных стимулов постоянно колебалось. Вероятно, были группы искателей Беловодья, которыми руководили чисто религиозные побуждения (если считать, что таковые вообще могут существовать вне связи с их экономической и социальной почвой) или, по крайней мере, в сознании которых таковые преобладали. Однако несомненно были и группы, забывавшие о религиозной мотивировке поисков. Чаще всего, очевидно, и то и другое сосуществовало, органически и нерасторжимо переплетаясь и срастаясь и, вместе с тем, противоборствуя¹. Недаром Бухтарму и Уймон населяли почти исключительно старообрядцы-беспоповцы, а известные Бобровы, возглавлявшие походы 40—60-х годов, были «бегунами». Все это исторически так же не случайно, как и старообрядческие симпатии казаков и известной части переселенческого населения Сибири.

В одном из списков «Путешественника» (и может быть не случайно только в одном) сделана приписка, обнаруживающая, что переписчику было что-то известно о неудачах походов в Беловодье и уже возникла потребность объяснения этого не только географическими, но и религиозными мотивами. В заключительных строках списка ИРЛИ-1 читаем: «Неизлишне считаем и то упомянуть, что в землю это Беловодие только те могут по рассказам одного путешественника достигнуть, которые всеприветное и огнепальное желание положат вспять не возвратиться» (ср. в легенде о граде Китеже: назад не оборачиваться и ни о чем мирском не думать). Так открывалась возможность объяснить неудачу поисков недостаточной решительностью искавших, их связанностью прошлым, невыполнением ими каких-то религиозных требований. С другой стороны, как мы уже говорили, тот же Хрисанф Бобров, один из самых упорных искателей Беловодья, открыв какую-то затерявшуюся вдали старообрядческую общину, немедленно покинул ее, как только узнал, что она

¹ Это правильно понял сибирский беллетрист А. Новоселов, автор повести «Беловодье», рисующей борьбу внутри партии «беловодцев», совершающих поход: начетчика Панфила, искателя воли и вольных земель Хрисанфа и бродяги Сеньки Бергала. Слабая сторона повести А. Новоселова — в стремлении объяснить причины поисков не социальными условиями существования крестьянства, а религиозным обетом и инстинктом искания новых земель (что свойственно, впрочем, и некоторым другим сибирским краеведам, например, Ядринцеву). Повесть А. Новоселова публиковалась в Горьковском журнале «Летопись» (1917, № 7—8 и 9—12). Последнее издание: А. Новоселов. Беловодье. Барнаул, Алтайское кн. изд-во, 1957, стр. 50—132. Более известен другой пример использования беловодской легенды в художественной литературе — роман П. И. Мельникова-Печерского, где она вложена в уста странника Стуколова (П. И. Мельников. В лесах. Книга первая. М., ГИХЛ, 1955, стр. 148—156).

признает российские власти. Очевидно, «праведность» в сочетании с подчинением вовсе не устраивала его.

Надо подчеркнуть, что даже в «Путешественнике» Марка Топозерского, выдвигавшем на первый план религиозную мотивировку бегства в Беловодье, нельзя обнаружить ни одного слова, которое напоминало бы об аскетических идеях старообрядчества. Беловодье — не монастырь, не скит, а вольная и плодородная земля, в нем скрываются от начальства, а не от мира, бегут не от людей вообще, а к другим людям, которые живут так, как хотелось бы создателям легенды.

Характерно, что легенда, при всей бесспорной консервативности старообрядчества, не содержит в себе ни грана религиозной нетерпимости, национализма и шовинизма. Рядом с русскими в Беловодье живут люди, говорящие на «сирском» языке, «опоньцы» и «китайцы». Все они мирно уживаются рядом, не мешая друг другу заниматься своим делом, ради которого бежали в Беловодье.

При всем сказанном, ни идеология «бегунов», ни беловодская легенда не были проявлениями «народного фурьеризма», как это утверждал известный народнический теоретик И. Юзов¹. Они выросли не на почве ученого либерализма, пытавшегося преобразовать мир при помощи прекраснодушной идеи, а на почве народного отчаяния и радикализма, классовой ненависти, полного отрицания возможности сосуществовать с угнетателями и трагически наивной веры в то, что дурные закономерности феодально-капиталистической действительности не успели еще овладеть всем миром.

Мы еще раз упомянули нашу легенду в одном ряду с учением «бегунов», как делали уже неоднократно. Однако это ни в коей мере не значит, что беловодская легенда была специфической «бегунской» легендой. Какую бы роль в ее развитии «бегуны» ни играли, она несомненно имела значительно более широкое распространение. В пользу этого говорит и участие в поисках Беловодья сотен людей, по-видимому, никакого отношения к секте не имевших, и сама возможность авантюры Аркадия Беловодского, и, наконец, походы уральских «никудашников», и многое другое.

Очевидно, легенда о Беловодье имела общерусский характер и распространение, и в то же время была особенно популярна среди старообрядцев — беспоповцев, причем сыграла видную роль в развитии «бегунства» — крайнего, радикального его ответвления.

Анализ легенды, социальной и исторической почвы, на которой она возникла, дает нам возможность в заключение высказать некоторые соображения о времени ее сложения и наметить этапы ее развития.

Легенда о Беловодье в том виде, в каком мы ее знаем, могла возникнуть только после присоединения первоначального Беловодья — Бухтармы и Уймаона — к России (т. е. после 1791 года). Вместе с тем нет основания считать, что процесс сложения легенды был очень длительным. Самый ранний документ, связанный с легендой, — заявление, сделанное Бобылевым в Министерство внутренних дел в 1807 году, — свидетельствует о том, что легенда уже существовала, однако, правительство еще ничего достоверного о ней не знало.

Первые сведения о более или менее массовых поисках Беловодья проникают в официальные документы в 1825—1826 годах. Нет оснований считать, что это и были действительно первые походы «беловодцев», базировавшихся в Бухтарме, сборном пункте большинства дальнейших поисков, однако, вполне вероятно, что до этого времени таких попы-

¹ Юзов, 1881, стр. 116 и 117.

ток было еще сравнительно немного. Следовательно, можно предположить, что легенда, а с ней, очевидно, и «Путешественник» возникли в конце XVIII — начале XIX века (1791—1825 годы). Не случайно именно в эти десятилетия переживает особенный расцвет секта «бегунов»; в это время она проникает в Сибирь. Именно к концу этого тридцатилетия, в 20—30-е годы, 15 лет проводит на Топозере крупнейший деятель «бегунства» XIX века Н. С. Киселев.

Соблазнительно было бы сделать еще одно сопоставление — к 1791 году относится не только присоединение Бухтармы, но и указ Екатерины II «О установлении дипломатических сношений с Япониею», сыгравший видную роль в истории попыток «открыть» эту загадочную страну. За ним последовала экспедиция А. Лаксмана (1792—1793 годы), затем (после перерыва в несколько лет, падающих на царствование Павла), в 1803 году, — решение Комитета министров о торговле с Японией, письмо Александра I к японскому императору и неудачное посольство Н. Резанова, попавшего на несколько лет в плен к японцам. Известно, что после ряда инцидентов и столкновений, в 1825 году сегунат издал наиболее суровую изоляционистскую инструкцию, прекратившую почти до середины XIX века попытки ликвидировать замкнутость Японии. Однако нет оснований решительно утверждать, что в конце XVIII — начале XIX века уже вполне сложился «апоньский» вариант беловодской легенды. В документах Томского губернского архива, изученных Д. Беликовым, не упоминается Япония; реальные поиски шли в самых различных направлениях. С другой стороны, наиболее напряженные поиски Беловодья относятся к 50—80-м годам; к этому же и несколько позднему времени приурочиваются и списки «Путешественника» (МП, ИРЛИ-1, 2 и 3), на которые мы опирались, изучая «апоньский» (т. е. тихоокеанский, островной) этап развития легенды и наиболее решительные попытки ликвидировать изоляцию Японии, закончившиеся, наконец, успехом. В эти годы наибольшее количество русских судов побывало в Тихом океане (в первой половине века русские мореплаватели совершили около 20 кругосветных плаваний), наибольшее количество русских матросов насмотрелось с их бортов на загадочные японские берега. Поэтому «апоньский» вариант мог сложиться с равным успехом и в это время. Вероятнее всего он постепенно формировался в процессе накопления слухов и впечатлений от освоения Курил, Сахалина и поисков Японии, тянувшихся с начала XVIII до середины XIX века. Недаром уже в 1838 году в Семенове был арестован «подданный японского государства», в 1869 году Аркадий объявляет себя Беловодским и в его грамотах неизменно фигурирует Япония, а уральский казак В. Барышников уже в начале 70-х годов пытается искать южный морской путь в Беловодье.

Мы можем не только установить примерное время возникновения беловодской легенды, но и выяснить, на какие десятилетия падает период ее наибольшего распространения и популярности и, наконец, спада и деградации. Активность поисков Беловодья в 50—80-е годы и успешность авантюры Аркадия Беловодского в 60—80-е годы, необходимым условием которой была общеизвестность легенды, наконец, отнесение двумя севернорусскими списками путешествия Марка Топозерского в Беловодье к 7382 (1874) году заставляет нас считать 50—80-е годы периодом наиболее активной жизни беловодской утопии в сознании известной части русского крестьянства. Недаром в это время она активно варьируется и в географическом отношении и по содержанию (легенда о Беловодье с царем Константином, легенда о Белогорье и т. д.).

Экспедиция уральских казаков в 1898 году и затем их поездка к Л. Толстому в 1903 году были началом заключительного этапа жизни легенды. В условиях зреющей революции легенда уже не могла играть в народной жизни никакой роли, кроме реакционной и консервативной. Недаром и статья А. Белослюдова 1912 года и записи этнографической экспедиции 1927 года знакомят нас не с самой легендой о Беловодье, а с рассказами о том, как его искали и не нашли, причем в 1927 году эти рассказы записывались уже только от старшего поколения.

Характерно, что на заключительном этапе параллельно с ними появляется и рассказ о том, как Беловодье нашли, но «святые» жители его не взяли к себе пришедших грешников. Эволюция легенды в этом направлении, по-видимому, так и не завершилась. Общее для всего русского крестьянства изживание социально-утопических иллюзий в десятилетие, предшествовавшее Октябрьской революции, вело к выработке революционных представлений, религиозная же обусловленность проникновения в Беловодье могла привести только к одному результату — к превращению беловодской легенды в сказание о «сокровенной обители» (типа китежской, млевской и т. д.), к окостенению легенды, выветриванию из нее социальных элементов. Великая Октябрьская социалистическая революция и последующая коллективизация и культурная революция на селе окончательно превратили легенду о Беловодье в страницу истории русского крестьянства, яркую, поэтическую, трогательную, наивную и трагическую.

* * *

Утверждая, что легенда о Беловодье возникла в конце XVIII — начале XIX века, мы не считаем вместе с тем, что у нее не было никаких предшествований, либо сама она не могла существовать в каких-то формах до этого времени. Говоря о возникновении легенды, мы имеем в виду приобретение ею всех тех особенностей, которыми она отличалась в конце XVIII — начале XX века.

Одновременно с беловодской, бытовали и другие утопические легенды («каспийская», о «реке Дарье», о «городе Игната», «китежская» и др.). В некоторых из них были особенно сильны религиозные элементы, другие приближались к легендам о богатых землях. Каждая из них нуждается в специальном исследовании и только после этого можно будет сказать, как они располагались во времени и какое влияние оказывали друг на друга. Сейчас же необходимо отметить, что легенда о Беловодье относится к группе социально-утопических легенд об отдаленных вольных землях типа легенды о «городе Игната», о «реке Дарье» и т. д. Легенды этой группы отличаются от легенд исторического характера (типа «новгородской»¹, «Берендеевой» и др.) тем, что в них утверждается существование в настоящем «вольной земли», в которую можно уйти, и от легенд о сокровенных городах или монастырях тем, что в них не выдвигается никаких религиозных условий достижения этой земли (достигнуть могут только безгрешные), хотя облик самой «вольной земли» не лишен и здесь известных религиозных черт (это одновременно и «праведная» земля). Не исключено, что отдельные легенды на каких-то этапах развития получали различное толкование, могли переходить из одной группы в другую.

В памятниках древней русской письменности легко отыскать свидетельства того, что легенды о вольных, богатых, праведных, идеальных

¹ К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, стр. 201—209.

землях (т. е. утопические легенды) издавна бытовали на Руси. Еще в XIV веке в послании архиепископа новгородского Василия Калики к тверскому епископу Федору обсуждался вопрос о «мысленном» и «сущем» рае. Василий утверждал существование земного рая, который можно увидеть, в который можно проникнуть, и ссылался при этом на неких новгородцев, достигших его во время одного из своих путешествий.¹ На протяжении ряда столетий большой популярностью пользовалось «Сказание об Индийском царстве», восходящее к популярному в Европе «Посланию пресвитера Иоанна» и оставившее заметный след в устной традиции². Издавна переписывались и распространялись такие памятники, как «Космография» Козьмы Индикоплова, «Хождение игумена Даниила», «Александрия» Псевдо—Каллисфена, поддерживавшие представления о существовании подобной страны где-то на востоке и рая где-то за морем, за пределами обитаемой земли («Хождение Зосимы к рахманам», «Слово о Макарии» и др.³). Вместе с тем, на протяжении XVI—XVIII веков непрерывно возникали специфические легенды о существовании за пределами освоенных земель (в Сибири, Монголии, на Дальнем Востоке, на Камчатке, на Курилах, на Сахалине, в Японии) каких-то чудесно богатых и, вместе с тем, вольных, дальних от «начальства» мест (Мангазея, р. Нерога, Погыч, Анадырь, земли в долине Амура, «земля Андреева», «серебряные и золотые острова», земля Гамы, Еркеть и т. д.). Их предшественниками были сказание «О человецах неизвестных в восточной стороне»⁴, легенды о «земле бородатых людей» и «зеленой земле», унаследованные русскими промышленниками и землепроходцами от сибирских народностей. Параллельно с устными слухами и легендами, вероятно, уже в XVI и, наверняка, в XVII веке существовали «скаски» и «дорожники», т. е. письменные описания маршрутов и путей в эти чудесные края. Ранний образец такого маршрута («подорожника» или «дорожника»), в котором причудливо сочетается реальное и фантастическое, достоверное и легендарное, дошел до нас в переводе С. Герберштейна, побывавшего в России в 1516—1518 и 1526—1528-е годы⁵. В XVII веке

¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. Изд. Музея истории религии и атеизма АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 35—37.

Здесь отмечается связь Василия Калики со стригольниками—новгородским посадским религиозно-общественным движением XIV века. См. также: Исто. и русская литература. Т. II, ч. I. М.—Л., 1945, стр. 125—127. Западные параллели приводились А. Н. Веселовским («Сборник ОРЯС», т. 53).

² М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве. Изв. ОРЯС, т. III, кн. 2, 1930; его же. Индия в старой русской литературе. С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934, стр. 463—470.

³ Ср. также в «Хождении игумена Даниила» описание горы Хеврон.

⁴ Д. Н. Анучин. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах неизвестных в восточной стороне». Древности. Тр. Моск. археолог. о-ва, т. XIV, 1890, стр. 227—313; А. Н. Пыпин. Первые известия о Сибири и русское ее заселение. «Вестник Европы», VIII, 1891, стр. 742—789.

⁵ S. Herberstein. Moskoviter wunderbare Historien. Basel, 1563. Русский перевод: С. Герберштейн. Записки о московских делах. СПб., 1908. В недавнее время вышли: М. О. Косвен. Материалы к истории ранней русской этнографии (XII—XVII вв.). В кн.: «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии». Вып. I. М., 1956, стр. 31—38 («Тр. ин-та этнографии АН СССР»). Ср. Д. М. Лебедев. География в России в XVII веке. М., 1948.

Традиция «дорожников» сказалась и в описаниях, приложенных к первому русскому атласу—«Книге большого чертежа» (1552—1627 годы). Все они сообщают сведения об определенных путях передвижения и каждый раз начинают описания от Москвы, совсем как наш «Путешественник» в пяти из семи известных списков (см. Бондарский, указ. соч., стр. 69—71).

традиция «скасок» и «дорожников» была уже настолько популярна, что появилась почва для возникновения пародий на «дорожник» в утопическую страну необыкновенного благоденствия — «Сказание о роскошном житии и веселии»¹, которое заканчивается словами: «А прямая дорога до того веселья от Кракова до Аршавы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд, оттуда на Киев и на Подолеск, откуда на Стеколню и на Корелу, оттуда на Юрьев и ко Брести, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкаской, в Чигирин и Кафимской. А кого перевезут Дунай, тот домой не думай.

А там берут пошлины небольшие: за мыты, за мосты и за перевозы — с дуги по лошади, с шапки по человеку и со всего обозу по людям.

А там кто побывает, и тот таких роскошей век свой не забывает»².

Одним словом, бесспорно, что и легенда о Беловодье и «Путешественник» Марка Топозерского (Михаила) связаны с определенной традицией, получавшей на протяжении веков многообразное устное и письменное выражение и закрепление. Однако мы не углубляемся во все эти вопросы, так как у нас нет никаких оснований говорить о прямом влиянии какой-либо легенды, либо какого-нибудь определенного литературного памятника на беловодскую легенду и «Путешественник». Указывая на «соседей» или «предшественников», мы в большей степени имеем в виду не выяснение их литературной истории, а демонстрируем устойчивость тех социальных и психологических оснований, на которых они возникли. Подчеркнем еще раз, что и легенда о Беловодье и «Путешественник» накрепко связаны с совершенно определенным периодом истории русского крестьянства (XVIII и, особенно, XIX век), с конкретными обстоятельствами и фактами этого периода, со всем строем мировоззрения определенной части русского крестьянства этого времени. Поэтому каковы бы ни были возможные идеологические и поэтические воздействия, влияния, переклички, аналогии — история самой легенды в том виде, в каком она нам известна, представляет нам редкую возможность выяснить конкретные причины и обстоятельства ее возникновения, развития и изживания.

¹ Опубликовано впервые в „Памятниках старинной литературы“. Вып. 2. Под ред. Н. И. Костомарова. СПб., 1860, стр. 457—458. Новейшее выверенное и комментированное издание — Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов статья и коммент. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 39—42 и 239—241.

² Адрианова-Перетц, указ. соч., стр. 42. Ср. народные пародии на старину „молочных рек и кисельных берегов“ (Аарне-Андреев, № 1930; Bolte-Polivka, III, 158—159; Афанасьев, № 2312 (425) и др.).